

3-33

КМИ.

ДЖ 34277.

МИХАИЛ ЗАПРУДНЫЙ.

**ОРДЕН
ПЯТИ**

МИХАИЛ ЗАПРУДНЫЙ.

ОРДЕН ПЯТИ.

(„Cerca un comunista!“)

—◆—

РОМАН-ХРОНИКА В ДВУХ ЧАСТЯХ.

—XXXX—

Издательство
„Советская Мысль“,
В. - УСТЮГ.
1924.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ровно в восемь утра профессор Рокамболь был в Риме. При выходе из вагона северного экспресса его чуть-чуть не сбил с ног газетчик. Еще на ходу мальчишка вскопчил на подножку вагона и сунул профессору в руки только что вышедший номер „Джорнале д'Италия“. Нельзя сказать, чтобы это была чистоплетная газета. Но профессору совсем некогда было разбираться в политических тонкостях. Его мучило желание узнать подробности опеломительного заговора и он машинально протянул мальчугану пять центезимо. А тот, ловко подхватив монету из его рук, уже кричал где-то далеко, в густой толпе пассажиров.

— Внезапное исчезновение депутата парламента.—Межпланетное сообщение с Марсом.—Государственный заговор—Самые свежие новости в „Джорнале д'Италия“!

Нетерпение профессора было настолько велико, что он, ни двигаясь, развернул номер и стал искать то место, которое теперь особенно занимало его.

— Ах, вот!..

Во всю страницу газеты огромным прифтом было напечатано загадочное во всех отношениях сообщение об исчезновении социалистического депутата парламента Джакомо Матеотти.

Трехдневное отсутствие в парламенте депутата Матеотти послужило

предметом особого запроса социалистической фракции, в результате чего правительственной полицией были приняты меры к розыску.

Согласно сказанным соседней по квартире депутата, Матеотти отсутствует со дня последнего его посещения парламента. При осмотре квартиры депутата, правительственным комиссаром установлено, что исчезновение было внезапным. Все вещи депутата оказались нетронутыми. Но..

Ах, это злополучное для господина депутата „но“!..—не было лишь денег. Это наводит многих на мысль, что депутат бежал, захватив с собой значительную сумму денег, по имеющимся у нас сведениям, достоверную ему собственную же партийной организацией.

Даже больше! Если.

— Какая чепуха!—почти крикнул профессор. Он скомкал газету и бросил, не желая дальше читать.

— Ну попадись мне только этот дура, вляпнусь чеством, я не прощу ему его выходки и..

Но тут профессор сделал жест, от чего стоявшие поблизости пассажиры парашнулись в сторону, а иные стали обходить старика на приличном расстоянии. Жесты профессора действительно не внушали ни малейшего доверия.

— Как будто бы я не знаю Матеотти. Чудаки! рассуждая профессор, продвигаясь с трудом к выходу, с твердым намерением сейчас же отправиться на квартиру депутата.

Профессор Рокамболь был лектором университета в Болонье. Лет двенадцать тому назад этот универ-

ситет окончил депутат Матеотти. Профессор хорошо помнил блестящего студента и потом не раз ездил к нему в Рим, чтобы с его помощью „проташить“ в парламенте очередную университетскую реформу. Вот и теперь он приехал сюда с намерением ускорить какое-то дело в министерстве провешенья. Поверите ли, целых девять месяцев это самое дело шло под сукном.

Профессор позвал фиакр и, забившись в самый темный угол, поехая на квартиру Матеотти.

— Невероятно!.. Блестящий депутат и... да тебе—побег с партийными деньгами? Нет, это право, несовместимые вещи!—думал профессор, слабо покачиваясь на рессорах.

— Вот, поистине, нужно иметь мизерные мозги, чтобы объяснить исчезновение депутата таким образом, как это сделал мерзкий писака из „Джорнале д'Италия“. Я твердо уверен, что это не так.

Фиакр слабо покачивало, и профессор, по свойственной ему привычке, начал дремать. Он и не заметил как фиакр остановился у мраморного под'езда небольшого отеля, в третьем этаже которого находилась квартира Матеотти.

— Мы приехали синьор!—тихо окликнул его возница.—Или вы прикажете ехать дальше?

— Нет, нет,—заторопился профессор.—Я выхожу здесь. А на всякий случай вы все-таки обождите меня на углу.

И с легкостью юноши он стал подниматься по крутой мраморной лестнице.

Вот третий этаж. Он нажал кнопку электрического звонка.

Раз... Два Три...

Внутри было мертво. Профессор взялся за ручку двери и тут же по-

нял, почему не было ответа на его звонки

Дверь была опечатана. Немного ниже внутреннего замка висела большая сургучная печать, и на ней четко выступали буквы:

„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КОМИССАР 5-го РАЙОНА“.

Тогда профессор хотел было вкрутиться, и вдруг замер, точно вкопанный.

— Что такое?

Он низко нагнул голову.

На гладкой полированной поверхности двери кто-то острием ножа или другого специального орудия нанес несколько порезов, по начертанию очень напоминавших собой человеческий череп.

Профессор осмотрел противоположную дверь. Ничего подобного на ней не было. Тогда он счел почему-то нужным спуститься этажом ниже и осмотреть поголовно все двери квартир. Но и там он не нашел даже слабых намеков на то, что он заметил у первой двери.

— Эта зарубка, мне думается,—или продукт проделки какого-нибудь шелоная или... Но что, в самом деле, она могла бы означать еще?..

Желание профессора попасть в квартиру Матеотти разбилось о сургучную печать правительственного комиссара. Зато теперь его охватило новое желание узнать, не имеет ли какого-либо отношения виденный им знак на двери в исчезновение Матеотти?

— А что, если я спрошу об этом привратника? Я думаю, что негодяй за лиру скоро развяжет свой мерзкий язык...

Но профессор тут же оставил эту мысль. Привратник, как и все люди его круга, вряд ли был сколь-

ко-нибудь знаком с символической зна-ков.

И профессор считал за лучшее спуститься вниз, чтобы сейчас же отправиться в отель „Континенталь“. Там обычно останавливались люди его общества.

На углу ожидал флякер Собираясь сесть, профессор заметил, как на солнцепеке, в стороне от мостовой, сверкнул какой-то металлический предмет. В другое бы время профессор, конечно, не стал нагибаться и тем угруждать себя, но сейчас под живым впечатлением разных догадок он нагнулся.

Маленький металлический предмет очутился в его руках

— Какая забавная безделушка! — нарочно громко произнес он, чтобы возница понял, что это не монета и что на находку профессора нет надобности претендовать.

Он забился в угол флякера и повернувшись на ладони находку, стал ее рассматривать.

— Черт возьми, мне сегодня удивительно везет!

На ладони лежал, поблескивая, нагрудный знак с изображением человеческого черепа и двух перекрестных мечей, с мелкой, очень мелкой, надписью на них, то-есть настолько мелкой, что даже при помощи очков профессор никак не мог разобрать ее.

— Несомненно одно, что между этими знаками есть какая-то логическая связь, — подумал профессор, — вспомнив вдруг знак, замеченный на двери.

— Я готов положить голову на эшафот, что в исчезновении Матеотти посетитель этого значка играет некоторую роль.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Профессор Рокамболь битых два дня ухлопал на то, чтобы найти объяснения таинственному знаку с изображаемым черепом и мечей.

Он сверху донизу перерыл все книги отдела философии в Вольфийской Королевской библиотеке. Но поиски не увенчались успехом.

Правда, в двух-трех пожелтевших от времени томах „Memento mori“ („Помни о смерти!“) было несколько указаний на существование в Риме времен папы Иннокентия III какой-то масонской ложи — носительницы знака мертвой головы. Но с тех пор прошло около семи столетий и вряд ли кому пришлось бы в голову воскрешать такую чепуху, как масонство, в наш век.

Профессор ушел из библиотеки совершенно „рассерженным“. Роль сыщика в загадочной истории с исчезновением Матеотти была необыкновенно заманчива. Но бедный профессор при первых же неудачах начал падать духом.

А только вчера он думал о том, какой скандал в печати произведет бы разоблачение им столь дерзкого преступления...

— Судя по всем данным, мы имеем тут дело именно с преступлением, то-есть, я хочу сказать, с расправой над Матеотти. В самом деле, какой дьявол мог заставить его бежать, когда он сделал и без того блестящую карьеру, став депутатом парламента. Нет, я абсолютно прав, — думал профессор, мерно покачиваясь в шезлонге фешенебельного римского отеля „Континенталь“.

Он живо представлял себе, как обрушится на мерзких писак, поместив гневное письмо ..

— Где?

И профессор потянул было руку, чтобы почесать в затылке, но как раз в это время заметил кидовидную горничную, подававшую ему каждое утро свежую газету.

— Прикажете сюда, сеньор? — спросила она профессора.

— Пожалуй лучше сюда, — сказал он после некоторого раздумья.

Профессор мысленно не мог оставаться ни на одной газете, которая бы согласилась поместить его письмо.

Ну кто в самом деле даст высь себя благодаря тому, что профессор назовет всех мозгляков из „Джорнале д'Италия“ жалкими идиотами и врагами? Вель эти газеты столицы стоят одна другой.

— Но я не подумал об „Аванти“, — вдруг вспомнил профессор. — Почему бы мне не напечатать письмо в этой газете? Посмотрите, как она нападает на правительство — одна роскошь!...

Но тут профессор вспомнил и другое. „Аванти“ была коммунистической газетой. Профессор, конечно, ничего не имел против коммунистов. Но выступить в коммунистической газете было не совсем удобно для него. В министерстве просвещения сидели очень толковые люди, — то есть настолько толковые, что низкие заслуги профессора не мешали бы им вытолкнуть его из университета.

И все-таки он решил, хотя и не вдруг:

— А впрочем — „Аванти“ так „Аванти“.

У него даже захватило дыхание, т. ч. он вот вот упадет в пропасть.

— К черту „Джорнале д'Италия!“ — заревел он, когда горничная принесла ему эту газету. — Купите мне сегодня. Ах, что я хотел еще сказать?... Да, да, — купите мне „Аванти“.

— Вам, профессор?

Горничная фыркнула...

— Черт знает, почему смеется эта дура, — подумал он, снова развалившись в шез-лонге.

Терраса стекла, где так удобно разместились профессор, боком выходила к набережной Тибра. Профессор, полузакрыв глаза, наблюдал, как парусные суденышки, резво выскальзывая из-за парапета террасы, неслись вверх по течению, оставляя позади бледно-фиолетовый след. Две чайки, с неистовыми криками, вились над пристанью, где десятка три крючковых возились у спуска судостроительной верфи.

Горничная вернулась нескоро. Но когда профессор увидел ее пересекающей набережную, он откровенно сиренел.

— Что случилось с вами? Почему у вас слезы? Ну разве можно так быстро бегать?

И он засыпал ее целым потоком вопросов.

— Рабочие верфи объявили забастовку, сеньор. Мой муж будет без работы, — всхлинула горничная.

— Как-так? Почему они объявили забастовку?

— Не знаю. Муж этого не говорит, сеньор...

— А вы принесли мне „Аванти“?

— Я не могла нигде купить ее. Говорят, что она конфискована.

— Кто-кто-кто конфискована?! — протянул профессор.

— Да, конфискована. Но муж каким-то образом все-таки достал вам эту газету.

Профессор выхватил газету из рук горничной и тут же понял, почему рабочие верфи объявили забастовку.

„Аванти“ призывала рабочих организовать демонстрацию протеста.

Депутат парламента Матеотти найден убитым на улице в Вассано.

„Аванти“ винит в убийстве фашистов. Недаром же их депутат в

парламенте Фарываччи открыто заявил, что „нельзя терпеть таких депутатов, как Матеотти“.

Его схватили в собственной же квартире и увезли на автомобиле.

Под сообщением об убийстве в газете был помещен и снимок дома, откуда был увезен злополучный депутат. Буквой С было отмечено место, где депутата ожидал автомобиль с убийцами.

Профессора раздраило одно обстоятельство. Он вспомнил, что поднял найденный им значек как раз на том месте, которое было отмечено и на снимке буквой С.

Голова профессора Рекамболя начинала бешено работать.

— Вы можете идти! — сказала он горько.— Если ваш муж почему-либо не найдет работы, я могу его взять с собой в Воловью. Я обещаю найти ему работу. Это вас устраивает?

— Вы очень добры, сеньор!

Оставшись наедине профессор стал обдумывать план действий. Он на под каком-либо виде согласился бы оставить это дело так. Убийца должен быть найден и отдан в руки правосудия.

Профессор сейчас же пошел к префекту полиции и заявил о своей находке. Нить преступления находится у него в руках.

— Да, это я сделаю сейчас же, думал он, направляясь в номер, чтобы отсюда идти в префектуру.

Ужасе дорожное пальто и фетровую шляпу профессор всегда оставлял при входе в отель у швейцара.

Но на этот раз он не застал швейцара на обычном месте. Бедный малый был подвержен болезненной склонности к алкоголю и регулярно, через каждые три часа, бегал к толстоу Джузеппе в таверну. Это было совсем близко, только через улицу.

Профессор в другое бы время сбеждал, пока швейцар спрокидывает положенное количество рюмок вермуту. Но сейчас он очень торопился, чтобы застать префекта, и потому совсем не хотел ожидать швейцара. Он сам подошел к вешалке и хотел снять свое пальто. Но сварх пальто кто-то повесил еще и кожаную куртку.

Это рассердило профессора:

— Как я говорил этому идиоту, чтобы мое пальто не мешало с чужой одеждой. И все так — никакого вмятия к элементарным правилам гигиены.

Профессор осторожно двумя пальцами взялся за куртку, чтобы перенести ее на другой крючок. Но так и застыл с приподнятой рукой.

Куртка была как куртка, частозьякая и навешенная, почти с выточкой. Только на клапане у верхнего левого кармана выступал слабый, едва заметный отпечаток.

Обладатель куртки, по видимому, когда то носил нагрудный значек, отпечаток которого теперь и привлекал внимание профессора.

В это время веселый швейцар вернулся из таверны и бросился к нему, чтобы помочь одеть пальто.

— Вот что, любезный: — сердито сказал профессор, — уж сколько раз я говорил вам, чтобы на мое пальто не навешивался всякий хлам. Кто повесил на мой крючок эту куртку?

— Эту куртку? Позвольте, кто же ее повесил? А, знаю! это куртка сеньора из 43 номера...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

В летней флягеле отеля „Континенталь“, где был расположен и номер третий номер, в одиннадцать часов ночи свет погас почти во всех

комнатах. Сонный лакей, шлепая туфлями, прошелся последний раз по коридору и закрыл наглухо окно.

Бедный малый боялся съвозника.

В сорок третьем номере было тихо, словно тут никто никогда и не жил.

Но вот тяжелая портьера у изголовья кровати бесшумно раздвинулась и из-за нее показалась вначале взъерошенная голова, а потом и перелачканное лицо профессора Рокамболя.

Профессор весь вечер продежурил у под'езда, поджидая обитателя 43 номера. Но тот так и не пришел в этот вечер домой.

— Вероятно, этот молодец решил провести ночь у своей любовницы,— подумал профессор.

И потеряв всякую надежду на его возвращение, профессор, наиболее притрачивавшим званием всякого сыщика образом решил осмотреть номер в отсутствие хозяина.

Отпечаток на клапане кожаной куртки Варти не выходил у него из головы. Ему казалось, что этот отпечаток остался именно от того значка, который был поднят профессором в стороне от мостовой. Он был уверен, что если ему только удастся проникнуть в сорок третий номер, то он найдет там и те или иные вещественные доказательства преступления, участником которого, по мнению профессора, обязательно должен был быть обладатель кожаной куртки.

Это-то и побудило профессора решено два часа убиты на то, чтобы проникнуть в номер Варти в его отсутствие.

Профессор, высунувшись наполовину из образовавшегося над кроватью отверстия, искал рукой какойнибудь предмет, за который можно было бы ухватиться. Но такой предмет, как на зло, не попадал ему

в руки. Гораздо проще было бы спуститься вниз ногами. Но проход узкого венецианского окна, служившего больше для вентиляции, чем для света, не позволял ему повернуться даже на месте.

Отступление было невозможно. Оставалось одно — спуститься вниз головой. Медлить было тоже нельзя. Всякую минуту могла открыться дверь и профессор был бы пойман на месте, как громила.

Он зажмурил глаза и ринулся вниз головой. На его счастье постель, на которую он упал, была настолько мягка, что этот первый его полет обошелся без особых приключений.

Обстановка комнаты, впрочем, ничем не отличалась от обстановки всех других номеров. Единственное, что здесь было не так, это полное отсутствие каких-либо лишних вещей. Видно было, что обитатель номера совершенно случайно остановился в отеле и не нуждался в удобствах, какие нужны были хотя бы тому же профессору.

Стоит ли говорить, что это-то и послужило причиной горького разочарования профессора. У него было намерение перерыть все чемоданы сорок третьего номера, а тут, извольте, никаких намеков хотя бы на присутствие пары трепаных ботинок.

И профессор начал было раскаиваться во всей своей затее, если бы во время свет прожектора ручного электрического фонарика не упал на письменный стол.

Варти, кажется перед уходом сжег несколько листов исписанной бумаги, пепел которых теперь лежал в раковине настольного подсвечника.

— Может быть я найду что-нибудь в этой гари,— подумал профессор.

Но листы были, очевидно, настолько скомканы, что не было видно содержания их. Правда, были видны отдельные слова, но не связанные в текст; они ничего не говорили ни уму, ни сердцу профессора. Тогда он наконецником автоматического счетчика стал рыться в куче пепла.

Листы оказались оборванными только снаружи. Профессор извлек несколько клочков совершенно нетронутой огнем бумаги.

Бедный профессор! Он ничего не понимал из того, что было написано. Но он прочел слова этих клочков. Вот они:

Начальнику ! ЯТИ 26
седьмого раджуа.

ию Совета ОРДЕНА ПЯТИ
контр демонстрацию коммуни-
сти „в действие“ аято №
лета с нач ПЯТИ 17
и Моралито Дорца освб

На другом клочке бумаги были столь же непонятные слова:

ноча на комитет ком
средства открыты по сч
дате головы. Сигнал

Но в ту же минуту громко вскрикнул звонок в коридоре. Кто-то возвращался в отель и вызывал швейцара. Профессор счел за лучшее поскорей обратиться из сорек третьего номера.

Еще три минуты и в сорек третьего номера чья то рука стреском повернула электрический выключатель. Взмыкнул яркий свет. На пороге стоял обитатель сорек третьего номера — синьор Барти.

Синьор Барти сегодня так много поработал, что едва дотащился до постели. У синьора очень крепкие нервы и он, наверное, сейчас бы уснул, если бы...

Ах, вот это „если-бы“ как раз и ужалило синьора.

Профессор, совершая свой полет, нарушил самое элементарное правило приличия—приводить в порядок постель. И синьор имел веское основание выразиться по этому поводу так:

— Какой-же это осел валялся на моей кровати? Черт возьми! Да тут кто-то еще залез прямо с сапогами на подушки.

Неделикатно, очень неделикатно, профессор! Синьор Барти заметил, что и на столе у него хозяйничала чья то чужая рука.

Это уж совсем рассердило синьора:

— Ну, счастливей этот мазурик — сказал синьор — что он ушел прежде, чем моя рука пригвоздила его к стене.

Однако, сон синьора был уже нарушен. Он осмотрел весь номер сверху донизу. Раза два выходил в коридор, чтобы осмотреть дверь. Не мог же, в самом деле, неожиданный посетитель номера проникнуть сюда через щель! И только тогда синьор Барти успокоился, когда открыл лазейку профессора Рокамболя — узкое венецианское окно за портьерой над кроватью.

— Теперь все понятно — недовольно проворчал синьор. — За мной следят и вторгаются в мое отсутствие в собственный номер. Ну, что ж, будем это знать и примем все меры предосторожности.

Но столь уместное решение ничуть не помешало ему растянуться во всю длину кровати и скоро храпом известить профессора Рокамболя, что синьор Барти совершенно не сердится за его непрошенное вторжение в чужой номер.

А между тем профессор Рокамболь очень счастливо добрался к себе, отдаваясь лишь слабым ушибом лба.

Всю процедуру с полетом, волей неволей, опять пришлось проделать, но теперь ужна черной лестнице. Впрочем, шизка—вещь пустячная. Если она не пройдет до утра, то профессор согласен примириться с нею еще дня на два—на три.

Он разложил перед собой ключки, захваченные в соседнем номере и сосредоточил на них все внимание.

— Совет ПЯТИ!... Что же это за совет пяти? Очевидно, есть такой административный или юридический центр, если о нем говорят тут.. Контр-демонстрация.. налет... авто... Ничего не понимаю. Стоп, Моралито Дорца!... это, пожалуй, стоит всех остальных сомнабулических знаков. Несомненно, что этот Дорца—живое лицо, что он существует на свете и, почему не может быть, что существует именно здесь, в Риме? Я, пожалуй, ничего не придумаю умнее того, если завтра же спрошу койкого об этом. Моралито Дорца!.. Дорца? Дорца?... А мне нравится это имя, черт возьми! Кто же может быть этот Дорца?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Здесь помещается комитет коммунистической партии?—осведомился профессор у привратника.

— Пожалуйте! Второй этаж направо...

Профессор поднялся по винтовой железной лестнице кверху. При входе его остановил рабочий в серой кэпи.

— Вы хотите обратиться в комитет?

— Да, мне нужно переговорить по очень важному делу.

— Сегодня у секретаря приема нет. Зайдите завтра.

— Но я не могу ждать ни минуты,—возразил профессор.—Мне во что бы то ни стало надо видеть господина Дорцу...

— По личному делу?

— И да, и нет... Я, собственно, хотел с ним переговорить по поводу убийства Матеотти...

— Гм...

И рабочий почему-то недоверчиво осмотрел профессора с ног до головы.

— В таком случае прошу следовать за мной.

Он провел профессора через ряд полутемных комнат. Затем они спустились по узкой каменной лестнице вниз, прешли каким-то подвалом, освещенным одной электрической лампочкой, и остановились перед низкой дверью.

— Войдите!—сказал кто-то негромким приятным голосом, когда рабочий тремя мерными ударами постучал в дверь.

Глазам профессора представилась небольшая подвальная комната. Единственное окно под потолком проливало скудный свет на стол, на котором были разбросаны узкие листы бумаги.

Маленький человек с бледным строгим лицом и усталыми глазами, очевидно, правил корректуру какого-то воззвания. Он низко склонился над столом и потому-то показалось профессору, что его рост был очень маленьким.

— Товарищ Дорца,—сказал рабочий,—с вами хетяг поговорить по поводу убийства Матеотти

И обращаясь к профессору, рабочий добавил:

— Пройдите сюда!

Человек, сидевший за столом, встал навстречу профессору. К крайнему изумлению последнего, он был не обыкновенно крупных размеров. Его глаза, неожиданно оказавшиеся где-

то вверху, под самым потолком, смотрели теперь на профессора с холодным любопытством.

— Я—профессор Рокамболь,— сказал профессор, опускаясь на стул. — Мне очень больших трудов стоило разыскать вас. Я до сих пор совершенно не знал и не слышал о вас, если бы не простая случайность...

— Какой же счастливой случайности я обязан знакомству с вами, профессор? — сказал, улыбаясь, огромный собеседник.

— Я чрезвычайно заинтересован делом об убийстве депутата Матеотти и мне удалось уже вапасть на кое-какие следы, изобличающие преступников...

Собеседник профессора улыбнулся.

— Но тайна исчезновения депутата уже не тайна и вы ее откроете, профессор, новых Америк.

— Что вы этим хотите сказать? — обиделся Рокамболь.

— Я хочу сказать, что убийцы давно известны. Нам, по крайней мере...

— Если не ошибаюсь, вы имеете ввиду фаш... Вы фашистов обвиняете, господа?

— Безвинт*ресно, кого вы обвиняете, профессор?!

— Определенно я не могу назвать ни одну общественную группу или организацию. Но я напал на следы преступников. Вот одно из вещественных доказательств, которое было найдено мною на месте похищения депутата...

И профессор положил на стол подвнятый им на улице нагрудный значек.

— А потом вот то, что привело меня сюда. Тут упоминается ваше имя. Знакомый мне рабочий верфя указал и дорогу к вам...

Дорца взял в руки значек и стал рассматривать.

— Ну, что же, профессор,— наконец, сказал он.—Если вы убеждены, что носитель этого знака есть подлинный убийца, то это самое доказываем и мы. Знак мертвой головы ни что иное, как эмблема одной из фашистских конспиративных организаций. Вот убедитесь! Вы можете разобрать эту надпись?

— Чорт возьми! Я об этом и не подумал, хотя у меня и было намерение прочитывать надпись. Вся беда в том, что у меня слабое зрение...

— Если угодно, я вам прочитаю ее. Это—„сегса ин коммуниста!“ Вам понятно, что значит это—„лицо коммуниста“?

— Да, но причем здесь тогда депутат социалист?

— Уважаемый профессор! Вам, вероятно, известно, что наша партия—заклятый враг фашизма. И когда против этих черносотенцев выступает рука об руку еще такой социалист, как Матеотти, то, как вы думаете, хорошую услугу он оказывает им, разоблачая их кровавые дела стрибуньи парламента?

— В таком случае объясните мне вот это!

И профессор протянул собеседнику клочки недожженных листов, захваченные им в сорок третьем номере отеля „Континенталь“.

Он заметил, как лицо того, кто теперь читал содержание этих клочков, внезапно потемнело и стало необыкновенно серьезным, а уголки губ нервно подернулись, отразив внутреннее волнение.

После долгого раздумья Дорца сказал профессору.

— Объяснить вам смысл этих отрывочных фраз будет делом несравненно более трудным, чем значение нагрудного значка. Несомненно одно, что эти молодцы замышляют недоброе против нас,—я хочу

сказать, против нашей партии, и на
леты более чем хорошо известны на
шей организации

— А что вы скажете по поводу
упоминающихся здесь „пятерок“ и
столь же загадочных „радиусов“?—
нетерпеливо перебил профессор.

— Сейчас я затрудняюсь дать
вам точные объяснения,—теперь уже
спокойно сказал Дорца.—Надо ду-
мать, что это условные обозначения
фашистских конспиративных ячеек.
Если вы ничего не имеете оставить
у нас обрывки „вещественных дока-
зательств“, то через несколько дней
мы постараемся дать вам более точ-
ные сведения.

Профессор охотно согласился на
предложение и встал, чтобы идти.

— Товарищ Фред!—сказал Дорца
рабочему, который сопровождал про-
фессора сюда.—Проводите профессо-
ра, а то, чего доброго, он потеряет
выход из нашего лабиринта.

— Может быть, вы проведете
меня более близким путем, чем в
прошлый раз?—спросил Рокамболь.—
Чертовски трудно подниматься по
вашим лестницам!

— К сожалению, у нас только
один выход,—засмеялся Дорца.—
Полиция запретила нам иметь такую
роскошь, как запасное сообщение с
внешним миром.

Комитет коммунистической партии
помещался на самой окраине города,
в районе лесных складов и каких-то
барачков, брошенных на произвол
судьбы. Профессор торопился и, что-
бы сократить время, избрал кратчай-
ший путь мимо барачков, за которы-
ми начиналась трамвайная линия.

Мяновав барачки, профессор вышел
к штабелям лесного склада. И вдруг
сильные руки схватили его сзади и в
одно мгновение он оказался прижа-
тым к земле. Профессор хотел крик-
нуть, но вонючий шарф плотно за-

крыл ему лицо. Он почувствовал что
теряет сознание.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Спросите любого из предместья
Трансвере и вам скажут, это та-
кое „сгиреный дявол“ Бруно Бор-
джиа. Говорят, он только за одну
ночь удушил 36 коммунистов и, как
ни в чем не бывало, на утро, поехав
прямо из боченва кречайшей кьянти,
жаловался, по обыкновению, малень-
кому Эгано:

— Ску учно, очень скучно, старя-
на,—ого чертей и ни одной дыры!..

Эгано был тупой и апатичный ма-
лый, с волчьим, ненастным апати-
змом.

Старик из жалости устроил при
себе этого идюта лишь бы „нег-
дядя даром хлеб не жрал“... Оба они
жили в притворе заброшенного ста-
рийного доминиканского монастыря и
никому не показывались на глаза.

Черт знает кто о них заботился!
Но что они ели великолепных фаза-
нов и запивали их самым настоящим
кьянти, так это был факт. Любой
виноградарь с анжелоских холмов мог
бы позавидовать веселому житью
этих мождцов.

А чем они занимались?

О! У Бруно Борджиа с Эгано бы-
ла самая чистая работа. В пред-
местье никто толком не знал, что это
была за работа, но поговаривали,
что даже отчаянный вешатель с пло-
щади Навона не согласился бы на
один только день заменить Бруно
Борджиа.

Чтобы не теряться в догадках,
стоит только послушать разговор
этих близнецов.

— Чертовская скука, — говорит
Борджиа Эгано, который принимает-
ся за восьмой кусок паштета разме-
ром с голову крупного быка..

— Хи-хи, вы это говорите в тысячу первый раз и двадцать восьмой раз сегодня, Бруно!

— Значит, я говорю правду, видишь...

— А почему когда вы рвете языки у синьоров, они как блохи, дрыгают ногами, Бруно?

— Ха, а если я рвану тебе твой подлый язычок?

— Ой, что вы, Бруно! Я ведь это только так сказал.

— А всетаки мне дьявольски надоело каждый раз повторять одно и то же. Придается, старина!

— Это вы о чем, Бруно?

— А все о том же: реать языки, подогревать пятки и вытягивать суставы. Ну еще сначала забавлял кое-как электрический стул. Но теперь и эта новинка не доставляет больше удовольствия. А как ты находишь. Эгано, веселая штука „лычко“?

Эгано понимал, что „свирепый дьявол“ говорит о своем любимом приеме выкраивать из чужих спин жирные куски кожи.

— Смотря для кого, хи-хи,— роляет Эгано, и оба близнеца, найдя шутку забавной, смеются от души.

— Вот я смотрю на вас, Бруно, и думаю, какой вы бесстрашный. Как вы ловко щипаете этих, — как бить их,—коммунаров. хи-хи. Я бы один их за что с ними не справился.

— Со связанными то?

— Смотрите, Бруно, они могут вам отомстить.

— Кля... наше дело маленькое, служебное, можно сказать. А это, как ты сказал, бесстрашие у меня от деда еще.

И всякий раз, как Бруно начинал говорить о дэде, он закатывал глазки и глубоко вздыхал.

— Святой жизни был человек. За свой век сотна три еретиков сожжению предал. А сколько так, как мы с тобой, на пользу церкви поработал. Сам папа Григорий званья прелата его удостоил. Эх, а лют же был дед с еретиками! Поверишь ли, как попадет который в руки, так тут ему и ша: был человек, а станет окрошка Свя-атой жизни был человек!..

А потом начиналось снова:

— Скушяю, старина! Никакого тебе развлечения,—одно и то же...

Но нет-нет, да и изобретал что-нибудь Эгано.

— Книга такая есть. Я название только забыл. Но, кажется, она французская, писателя известного, Мирбо. Ух, подлец, как ловко он это описывает. Вам бы ее почитать, Бруно!..

— Где эта книга?—вдруг оживляется „свирепый дьявол“.

— Она у меня, я вам ее сейчас принесу.

И они сидят за книгой. Бруно выбирает места и делает свои замечания.

— Ха, характер! Мы с тобой куда лучше вспарываем животы... Это тоже не годится... Стоп! А это вот веселая штучка. Ну-ка, ну-ка прочитаем...

И они читают. У Бруно начинают загораться глаза. Он дрожит и принимается ерзать на сиденье от нетерпенья,

— погоди, гостой! Дай вспомнить как это нам сделать. Значит, перво-наперво цветочный горшок. В него сажаем крысу. Черт возьми, крыс у нас сколько хочешь Правда, Эгано? Исак, сажаем крысу. Затем жаровня и железный прут... Ну это у нас все есть с тобой... Молодца кладем на живот. Чтобы не дрыгал, привяжем к крепче. Горшок спроводываем ему на сиденье. А потом... А что потом, Эгано?

— А потом раскаленным прутом надо дразнить крысу..

— Да, да... Прут просовываем в отверстие горшка и начинаем разжигать крысу...

— А крыса,—взвизгивает Эгано, от сладострастная,—будет искать выхода и ползет ему в задний проход ха-ха-ха!

— Вот забавная штука, хи-хи!

Время подвигалось к исходу. Бруно зажег свет и плотно прикрыл ставню единственного в притворе окна. Эгано собрался ужинать, но в это время кто-то постучал в дверь, и он на цыпочках подкрался, чтобы послушать.

— Откройте! Ну, живо... — негромко кто-то сказал за дверью.

— Что надо сеньору? И почему он тревожит в эту пору белых монахов?—плаксиво было начал Эгано.

— Это я, Бруно! От Барти, — сказал пришелец.

Эгано с легкостью кошки прыгнул на стул и отодвинул крепкий засов.

Посланный Барти просунул в приоткрытую дверь сверток бумаги и скрылся, не показываясь на глаза.

Это была простая записка на имя Бруно Борджиа:

„Старый дурак! Сегодня тебе придется поработать сверх обыкновения. Приготовься, чтобы не оттягивать время. Бар“...

— Вселенское дельце! — сказал Бруно, потирая руки. — Ну, живо, Эгано! Запали-ка дрова в камине. Боясь, что сегодня не совсем тепло и мы заморозим сивьеров, хе хе...

Эгано не заставил себя ждать и юркнул в амбразуру наглухо заделанного окна. Стенка под нажимом Эгано поддалась в бок и в амбразуре образовался довольно свободный проход.

Глубокой ночью на монастырском дворе остановился закрытый автомобиль. Один за другим из него стали

выходить люди. Лиц их нельзя было разобрать, но было видно, что эти люди старались быть незамеченными.

— Сивьер Барти! Пожалуйте, пожалуйста. Вот сюда!—хлопотал Бруно Борджиа —Что за штучку сегодня вы изловили, сивьер?

— А, срунда! Жаворонок, и то не певчий. Но он может нам пригодиться а к тому — смотри, не особенно. А то, чего доброго, обрадовался черт!

— Уж будьте покойны, сивьер...

Три мелодца ввели бледного и связанного по-рукам профессора Рокамболя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Вас не беспокоят веревки, профессор?—спросил Барти, пододвигая табурет к камыну. — Если вы будете разумны, то сегодня же мы вас отпустим. Предупреждаю, что всякое запырительство будет вам же во вред.

— Я ничего не знаю,—тихо сказал профессор.

— Ну, положим, это не совсем так. С кем вы разговаривали в комитете партии?

— Я никого не застал. У секретаря времени не было.

— Ложь! Вы виделись с Дордей. Профессор молчал.

— С каких пор вы информируете коммунистов?

— Это для меня ново.

— Что намеревался комитет получить через вас, поручая вам слежку за сорок третьим номером отеля „Континенталь“.

— Никакого поручения мне не давалось.

— Вы это делали по собственному расчету?

— Да.

— Что побуждало вас неестественным образом вторгнуться в чужой номер?

— Это мое дело.

— Профессор!

И в голосе Барти прозвела первая грозная нотка.

— Я требую от вас ответа.

— Вы его не получите.

— Бруно! Помогите профессору развязать язык.

Бруно, стоявший за спиной профессора, плотоядно обнажил красные десны. Пальцы профессора хрустнули.

— Мучайте, но я не дам ответа, — с болю в гортани простонал профессор

— Бруно!..

Профессору согнули кисть руки.

— О! О-ой!..

— Итак, профессор, вы искали нужные вам бумаги?

— Да, я искал нужные бумаги...

— Чтобы затем передать их комитету партии.

— Нет, этого я не думал.

— Допустим, что вы этого не думали... Но вы их передали?

— Я не передавал никаких бумаг.

— Бруно!

Горячая боль обожгла пальцы профессора. Под ноготь ему пустился желтый иглу. Он вскрикнул, стиснул зубы и замолчал.

Бруно, схватив щипцы, рванул ноготь. Профессор издал презрительный крик.

— Довольно, я готов отвечать вам... Да, я стадал им бумаги, найденные в вашем номере.

— У меня не было никаких бумаг. Какие бумаги вы передали Дорце?

— Честное слово, ваши бумаги. То-есть, я хочу сказать, обрывки ваших бумаг.

— Может быть, сандор, огонька нужно?— вмешался Бруно.— Профес-

сор тогда не будет путаться в показаниях.

— Вы не фабриковали никаких бумаг?

— Никогда...

— В таком случае, Бруно, помогите профессору вспомнить, какие бумаги он сфабриковал для передачи коммунистам...

Бруно ловко подхватил из жаровни каминный кусок раскаленного железа. Запах жженого мяса шибанул в нос.

— Честное слово, я ничего не фабриковал, — ревел профессор, извиваясь на стуле. Бруно поочередно, то к той, то к другой ладони, прикладывал огненный кусок железа.

Наконец профессор не выдержал.

— Я скажу, извольте... Я скажу, что угодно...

— Говорите только то, что нужно, а не что угодно. Чего доброго, вы еще скажете, что мы палачи и терзаем вас. Но вы сами виноваты, что запрашаетесь, не жадая отвечать прямо на вопросы. Какие бумаги были сфабрикованы вами?

— Я не помню. Забыл...

— Хорошо, я вам напомню. Вы, кажется, говорили, что фашисты готовят налет

— Да, да.. Я дал им понять, что фашисты готовят налет.

— И что же? Они поверили вам?

— Кажется, нет...

— Почему вы думаете нет?

— Мне так показалось

— За что же вы тогда получили банковый билет?

— Как банковый билет? Разве я его получил? Я не говорил этого.

— Вы не говорили, во мне об этом известно.

— Вы лжете, господа! Не смейте посягать на мою честь! Я не продаюсь.

— Та-та-та... Не тараторьте, профессор! Какой банковый билет вы получали?

Допрос принимал явно вымышленное направление и профессор решил не отвечать Барти.

— Бруно!—крикнул Барти.

— Одну минуточку, сивьор!

Бруно снова подхватил кусок железа.

— Позвольте подогреть пяточку. Профессор, видимо, забыл и у него примерз язык. А ну, Эгано, займись-ка пятками, а я в это время отогрею ему язык!

Эгано крепко ухватил за ногу профессора и сорвал с нее башмак. Боль от ожога заставила профессора отдернуть ногу. Но ее привязали. Эгано, время от времени прижигая пятку, наблюдал, как профессор корчился от боли.

А Бруно пытался ухватить щипцами профессора за язык, но тот плотно сомкнул челюсти. Тогда Бруно сжал ему горло. Профессор втянул было голову в плечи, но Бруно наступил ему коленом на грудь и еще сильнее стиснул горло.

Лицо профессора побагровело. Наступало удушье. Глаза стали выплывать из орбит, судорожно вращаясь по сторонам. Рот открылся и язык высунился изо рта. Эгано только и ждал палач. Он ловко подхватил язык на щипцы и разжал руку, державшую профессора за горло. Яркая струйка крови брызнула с языка.

Боли были настолько велики, что у профессора не хватило мужества выдерживать дальше муки пытки. Он сделал движение головой, давая этим понять, что согласен отвечать допросчикам.

— Итак, вы утверждаете, что получили банковый билет. Вы не помните, кем он был подписан?

— Кем подписан? Я, кажется, не обратил на это внимания.

— Но вы недавно утверждали, что он был за подписью Красина...

Профессор кое что знал о Красине по газетам. Только того ли Красина имели в виду? Но он сказал на угад:

— Теперь я вспомнил. Да, за подписью Красина, советского комиссара в Лондоне.

— Велик делом! Вы можете свою подписью скрепить показание?

— Если это уж так нужно, давайте!

Барти сел к столу и написал:

РАСПИСКА.

Дано сия расписку генеральному секретарю городской организации коммунистической партии Италья Моральто Дорце в том, что мною получен от него английской банковской билет за подписью г. Красина, советского представителя при Его Величестве король Великобритании, на сумму в 1,000 английских л.р., в чем я расписываюсь.

— Подпишите! — сказал Барти, подавая перо и бумагу профессору.

Тот прочитал содержание расписки и криво расчеркнулся:

ПРОФ. РОКАМБОЛЬ.

— Но это еще не все, — сказал Барти.—перейдем к главному...

— Что? Вы говорите—это еще не все...—истерически крикнул профессор.—Нет, вы не вымучите из меня больше ни слова. Довольно! Терзайте, коня, терзайте! Палачи! Мучайте, палачи.

И профессор забился в истерическом припадке.

— Воды!—крикнул Барти.—Приводите его в сознание, черт вас возьми!..

— Профессор, подумайте, что так вас не отпустим, пока вы не выдадите участников государственного за-

говора. Да, да—государственного заговора. Для того, чтобы легче припомнить, я сам перечислю их вам.

— Нет... нет.. не требуется... никогда...

— Про-фес-сор!

— Никогда!..

И профессор упал вниз лицом.

Бруно! А ну поджи жару!

Бруно снова набросился на свою жартку.

— О, сивбор-профессор сейчас на все будет согласен,—сладострастно захихикал „свиренный дьявол“.— И тут ему припас кое что.

Бруно Борджиа рассчитывал на свое последнее средство—операцию с креслой.

Но профессор вдруг заговорил горло, выдыхаясь бешеным потоком слов.

— Что вы смотрите на меня, на лачи? Что вы сметрете так? Надайте на колени! Целуйте... целуйте мои ноги. Ослы! Как вы смаете стоять перед вашим королем. Я—ваш король! Да, король... И прикажу отрубить вам головы. Надайте скорее на колени!..

— Эхот идиот, ежжется, начинает сходить с ума—сказала Барти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Глубокой ночью в подвальной комнате городского комитета компартии сидит Дорца, склонившись над столом. Слабый свет лампы освещает бледное лицо. Усталые веки слипаются от бессонницы. Предвыборная кампания в городской муниципалитет отнимает все эти дни. Кеды корреспондент сменяют одна другую. Весь вечер сорх бумаг надо тщательно просмотреть, сверить с оригиналом, сделать необходимые поправки.

Попытка расшифровать обрывки документов, доставленных профессором, оказалась не совсем удачной. Дорца предчувствует, что фашисты замыслиют что то недальное против коммунистической организации, но что именно, это так и остается невыясненным.

Вчера Дорца пробывал разыскать профессора, но поиски не увенчались успехом. Ровакболь пропал бесследно. По наведенным справкам в отеле „Континенталь“, он не возвращался домой с момента его посещения комитета партия.

Мысли путаются в голове Дорца и он начинает дремать. Бледное лицо еще ниже склоняется над столом.

Стук в дверь. Тишина. Стук повторяется снова. Опять молчанье. Дверь осторожно открывается.

Это—Фреди.

— Ну так и знал. Бедняга устал и задремал. Стоит-ли будить его?

Но в конце концов решается все таки разбудить.

— Будет недоволен, если узнает что пожелал тревожить его сон. Со всем человек не бережет себя. Товарищ Дорца!—такхо зовет Фреди.

Тот сразу подымает голову... И удивляется:

— Неужели я заснул. А, это вы Фреди? Ну как, голубчик, наши дела?

— Плохи, товарищ Дорца... Но совсем хотя, но самое-то главное так и не удалось выяснить.

— Почему?..

— Запутался в лабиринте...

В каком лабиринте?

Чертовски сложная механика у этих фашистов. Из-за деревьев лесу не видно.

Скажи. Почему не понимаю.

— Посудите сами. Между ли что сделать, вместо предполагаемой организации вы наталкиваетесь на массу простых исподвигателей. Да и да

шающая головка где-то от вас далеко-далеко?

— Где же вы были?

— Я был у них.

— И ничего не могли выяснить?

— Они ничего не знают.

— Как так?

— Распоряжения дают сверху.

— Надо было пойти дальше.

— А куда? В этом то и весь секрет. Мне кажется, что и нам надо начинать с верхушки. А внизу, среди этих отбросов, отчаянных головорезов вы ничего не добьетесь.

— О каких отбросах вы говорите, Фреди?

— А как же иначе можно назвать всех этих патентованных громил, убийц и поджигателей? Я нашел „пятерку“, только не ту, которую искал. Эта — из кабачка „Роша“.

— Что же это за пятерка?

— Вы оказались правы. „Пятерками“ называются низовые ячейки фашистской конспирации.

— Что же, в таком случае, они называют „рад.усами“?

— Увы! Я сам не знаю, а только догадываюсь.

— А вер-таки?

— Да вот посудите сами! Моя слежка по сегодня, то есть за три дня, ограничилась единственным знакомством с „пятью 12 тринадцатого радиуса“: Из этого можно сделать заключение, что существуют и двенадцатый, и одиннадцатый, и десятый „радиусы“ и так вплоть до центра. Как видите, целая чертова дюжина этих самых „радиусов“. В документах профессора фигурирует „пять 26 седьмого радиуса“. Отсюда я делаю такой вывод, что этих пятерок в каждом из „радиусов“ во всяком случае не меньше указанной цифры — есть двадцать шесть. И вот вам полная картина конспиративной организации! Четырнадцать „радиусов“

по 26 „пятерок“ в каждом. Это по нашему предположению. А на самом деле их, надо думать, несравненно больше. Вся беда в том, что все эти „пятерки“ несут только исполнительные функции. В решения принципиальных вопросов они не принимают никакого участия.

— Как же вы попали на этих молодцов?

— Попасть к ним мне не стоило больших трудов. Я случайно с ними встретился в кабачке „Роша“.

— И что же?

— Они говорили о способах „легкого заработка“ и, на счастье, как раз упомянули о „пяти“. Не зная я о существовании этих самых „пятерок“, их бы разговор остался для меня совершенной тайной. Но я сделал вид, что хочу „хорошо заработать“.

— Ну, и что же? Они предложили вам „работенку“?

— Ничуть. Они вначале очень недоброжелательно отнеслись к моим словам. Но когда узнали, что я рабочий и выгнан с верфи за то, что „избил коммуниста“, то переменяли гнев на милость. Один даже сказал, что „таким молодцам у них расцениваются на вес золота“.

— И они, конечно, проболтались?

— Тоже нет. Они ничего не знают и говорят, что все зависит от начальника „пяти“, который в свою очередь подчинен начальнику „радиуса“.

— Нам следует что-нибудь предпринять?

— По моему, надо искать головку. Если мы будем вращаться только среди этих огарков — громил и поджигателей, то мы ничего не откроем. Они являются только слепым оружием в руках своих руководителей. А всеми заправляет кто-то один

сверху, который и платит им за всю их работу.

— Где же нам искать головку, в каких водах, Фреди?

— Судя по моим недавним знакомым — это одна из последних инстанций, один из последних „радиусов“, ибо дальше этих социальных трущоб, этих отбросов общества, идти некуда. Следовательно, головку надо искать на противоположном им социальном полюсе.

— Ты хочешь сказать, среди аристократии?

— Да, и буржуазии..

— Пожалуй, я согласен...

Вдруг звякнуло окно. Осколки стекла посыпались на пол. Кусок булыжника ударился в противоположную стену и покатылся по комнате.

Бах!.. Второй камень пробил абжур электрической лампы. От сильного сотрясения лампочка ярко вспыхнула и... в комнате воцарилась тьма.

— К дверям, Фреди! Защищай двери, — крикнул Дорца.

Фреди бросился подвалом и вверх по лестнице.

Дорца ошупью стал собирать бумага.

— Только бы спасти кандидатские списки и секретную информацию, — думает Дорца, шаря рукой по столу.

Но где там в темноте искать их, — Дорца забирает все, попавшее под руку.

— Буда теперь? Где сврятать?

Мысли лихорадочно пляшут в голове.

— Стоп! Бак — единственное убежище.

Громадный глубокий бак, наполненный доверху водой, в соседней комнате. В подвале. Одним прыжком Дорца у него.

— Надо все это связать и с кипичем..

Бух! Маленькие пузырьки лопаются на поверхности воды.

— Браво! Процедура удалась...

Поверхность воды в бассейне спокойна, как ни в чем не бывало. Только оставленная кем-то пустая бутылка украшает еще иззелена — темная надет водичной плесени.

— Теперь деньги...

Казенные деньги хранятся в нестероаемом ящике.

— Их надо взять с собой. Это будет надежнее, — мелькает в голове Дорца.

Он бросается вверх по лестнице. Дверца ящика открывается моментально. Деньги рассыпаются по глубоким карманам. Но кто то уже ломается в наружные двери. Фреди напором всего тела сдерживает наседающих снаружи.

Дорца хочет забаррикадировать дверь, собираясь валить ящик, столы и мебель...

— Фреди, уходи! — командует Дорца.

Фреди бросает дверь и хочет подниться к нему. Но дверь с треском падает.

Выстрел... Фреди подался назад.

— Фреди, сюда! — кричат Дорца.

Но тот скатывается вниз, пораженный пулей. Кто то уже прыжками поднимается в Дорце. Только он не может разобрать, кто это, Фреди или кто другой.

Противник стоит перед ним, и только теперь Дорца видит, что это не Фреди. Ударом ноги Дорца сбрасывает вниз негодяя и захлопывает дверь перек самым носом,

Не проходит и минуты, как целая натага начинает колотиться в двери. Дорца подтаскивает сюда всю мебель и складывает ее перед дверью. Если и эта баррикада не выдержит, то у него есть еще одна дверь. Чтобы не

терять времени, он проделывает у же пропеллеру и в другом месте.

— А теперь, теперь куда?

Выхода нет. Единственный выход отрезан баррикадой. Ход из подвала через окно загражден решеткой.

— По дымоходу?

Но Дорца забыл, что в подвале духовое отопление.

— Нет. Отступление даьше невозможно.

Под дружным напором наступающих падает вторая дверь. Теперь совсем близко. Эти колодцы насажены на последнюю дверь.

— Смерть коммунисту! — гремит чей-то голос среди общего шума, криков и возни.

— Бей его!..

Треск.. И последний оилот Дорцы рухнул под напором пьяной ватаги. Вооруженные до зубов фашисты врываются в подвал.

Но он нует.

Бросаются в рабочую комнату Дорцы. Но и в ней—ничего. Один из них приказывает перервать все вороха бумаг. Идут в шкафах, на полках, за кюпами газет. Лезут на бак.

Но бассейн спокоея и та же бутылка плавает на спокойной мутно-зеленоватой поверхности.

Дорцы нет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Замерли последние шаги. Затем, несколько минут спустя, донесся глухой рев мотора. И все стихло. Вороха разметавной бумаги перевернутая мебель и битые стекла на полу—вот все, что осталось от посещения фашистской бандой городского комитета компартии.

Еще минут пять-десять после ухода ватаги все было тихо в подвале. Но потом вода как то странно хлоп-

нула в баке и на ее поверхности появилась голова Дорцы.

Как раз перед тем, как с шумом и рухнула последняя дверь, Дорца одним прыжком взгр и выдвинулся на край бака и, выловив из него бутылку, отшиб у нее дно. Затем он быстрым движением погрузился весь в воду и сделал попытку поддерживать дыхание при помощи бутылки. Горло шло ее он держал во рту, а верхняя часть ее свободно держалась на поверхности воды. Опыт был настолько удачным, что Дорца мог, таким образом, продержаться в воде, сколько угодно.

Картина страшного разрушения не исцугала бы его. Работая в этот год в комитете партии, он привык к этим ночным налетам фашистов. Не было еще одно обстоятельство, которое заставило дрогнуть сердце Дорцы.

У наружных дверей в луже крови лежал труп рабочего Фреда. И тут непримиримая вражда и ненависть фашистов к коммунистам вложила свой безобразный отпечаток. Труп Фреда был бесчеловечно изуродован. В обнаженной груди зияла глубокая черная рана, а в другой такой же ране в боку торчал нож с деревянной ручкой.

Дорца вынул нож из раны. На нем были выгравированы черен с мечом и известная надпись „сегса ил коммуниста“ („еще коммуниста“).

Разгром комитета коммунистической партии и убийство Фреда вызвала глубокое возмущение среди рабочих. На целом ряде предприятий вспыхнули новые стачки. Из рук в руки переходили прокламации, выпущенные городским комитетом партии.

Еще с утра из рабочих кварталов стали стекаться толпы к Монте Чаторно. Их было так много, что в местах скопления проставивалос-

обычное уличное движение. И откуда то появилась плазаты, угрожающие и требовательные. Огромные и едва заметные. Со стороны Тибра двигалась огромная волна судостроительных рабочих.

“Вставай проклятым заклепанный
Весь мир голодных и рабов...“
.. гремели голоса. .

Вдруг все это море голов и плакатов остановилось перед парламентом.

Как ножи, сверкали клинообразные надписи:

„Долой погромщиков и убийц!“

„Наша кровь на вас и детях ваших!“

„К суду убийц Матеотти!“

„К суду убийц рабочего Фреда!“

И вдруг все увидели Дорцу. Он шел верхом на фонарном столбе. Бедный малый даже не попытался на этот раз дворцовой трибуной парламента. К чему трибуна, когда хорошо говорить и так—с фонарного столба?!

Первые его слова были тяжеловесны и падали в толпу, как массивные камни. Но потом его голос окреп и речь полилась свободнее, принимая тот пафос, с которым прокурор произносит на суде свою последнюю обвинительную речь.

...Фашисты кормят вас одними обещаниями. Что дали они вам, что дали стране? Они обещали улучшить подпитие рабочего класса, обещали восьмичасовой рабочий день. А что дали? Что? 800,000 безработных, тысячу карательных экспедиций и ужасы террора—вот что получили мы от них. Мы требуем ответа! Мы требуем расследования эгирских убийств и погромов...

— Долой погромщиков! Месть на лачам и убийцам!—вдруг равкнула многотысячная толпа.

Но тут рабочие заметили на трибуне элегантно одетого депутата парламента. Он держал под мышкой туго набитый портфель и от нетерпения помахивал тросточкой. Кто он такой, ей-богу, никто не знал. Но он назвал себя представителем социалистической фракции парламента. Он говорил с полчаса, а что говорил,—ровно никто ничего не понял.

— Вы скажите прямо,—вдруг кто то из толпы оборвал его на полслово:—как ваша партия будет реагировать на эти очередные преступления фашистов?

— Мы выразим протест и... вообще это, разумеется, возмутительно.

— И только?

Депутат пожал плечами.

— Что же подделаешь? Приходится считаться с положением вещей.

— Долой его! Долой!—закричали сотни голосов

Но тут случилось нечто неожиданное, необычайное. Живая человеческая масса сжалась в комок, словно губка. В самую гущу толпы врезался отряд конных карабинеров. Впереди всего на взмыленной горячей лошади скакал начальник отряда, размахивая в воздухе плетью.

— Лошадь, держи!

— А, бесстыд! Так вы вот как! Бунговать?

На скаку он подхватил какого то мал шая за шаворот и вздернул кверху.

— Ну что же, кричи „долой“, молкосос!

А в следующую минуту толпа отхлынула. Те, что стояли в задних рядах, бросились бежать. Шаника росла.

Отряд рассыпался и начал нажимать на толпу в разных направлениях, стараясь согнать ее с площади в переулки улиц.

Один из карабинеров проявил при этом исключительное усердие, неисто-

во напирая на людей и давя лошадью неуспевающих податься назад. Это привело толпу в бешенство. Карabinера стащили с лошади и взблевали в кровь.

Неистовавший начальник собрал отряд и командовал дать залп по толпе. Лязг затворов и треск ружейных выстрелов произвели свое действие. В несколько мгновений площадь опустела совершенно.

Дикая расправа карabinеров над толпой на площади Монте Чичорио вызвала новый взрыв возмущения в массах. В рабочих низах нараждалась росла, клокотала жажда действия.

Социалисты выпустили свои листовки и разбрасывали с автомобилей во всех концах города. А смысл этих листовок был приблизительно таков:

„Социалисты возмущены и вносят запрос в парламент. Они требуют расследования убийства, образования особой комиссии“—словом, намерены положить конец правительственным безобразиям, а поэтому те рабочие должны успокоиться.

Но рабочие не успокоились. Призыв „социалистов“ возобновить работу на предприятиях пропал в холостую. Предприниматели пытались воздействовать на рабочих угрозами. Не помогло.

Но не стоять же в самом деле, предприятиям в бездействии, когда и так страна задыхается от безработицы. В тот же день фашистская федерация труда выслала на работу десять тысяч ловких и проворных штрейкбрехеров. Эти-то молодцы и продолжали работу по предприятиям.

Вечером массы бастующих устремились в затибрскую часть города. Там у здания комитета коммунистической партии собиралась траурная процессия. Изуродованный труп Фреда лежал в гробу среди мрачной обстанов-

ки той комнаты, где еще были свежи следы ночного налета фашистов.

Поздно ночью процессия тронулась из Затибры окраинами на доминиканское кладбище.

Ночь была темна. Тяжелые тучи предвещали грозу. Напоры ветра крепели и затрудняли передвижение. Шесть человек рабочих несли гроб, а вокруг их сомкнулась черная, молчаливая масса других рабочих, молчаливо переживавших тяжелую трагедию дня.

У каждого из них были свои мысли, но все они думали об одном — о произволе и несправедливости, о своем нерадостном, тяжелом завтра. Вернись ктонибудь из них на работу, предприниматели еще подумают, как брать их опять к себе.

Накрапывал дождь. Тяжелые капли звонко падали на мостовую. Яркие огни молний изредка освещали черную массу людей. И многие из них стали отставать от процессии и возвращаться назад.

Их осталось не больше, как сотни две, когда процессия, наконец, достигла горы. Высоко над кручей вырос из мрака доминиканский монастырь.

Процессия молча прошла пустынным двором. Никто из монастыря не вышел ей навстречу. Даже могильщик в эту пору не решался оставить сторожку.

Все остановились перед могилой и точно по команде, как один, обнажили головы. Ни один из них не произнес ни слова. Слово они замерли в оцепенении. Только дождь шумел по крыше монастыря и, низко сгибаясь под напором ветра, стонали деревья.

Никто бы не сказал, сколько они простояли бы так. Давным-давно зарыли могилу, а люди как будто бы и не собирались уходить.

Всех вывел из оцепенения движение в задних рядах.

— Монастырь оцеплен, — вдруг крикнул кто-то провозительным голосом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

— Там, за оградой, полицейские и солдаты, повторил снова кто-то, но теперь значительно тише.

Толпа заводновалась.

— Мы никого не заметили, когда шли сюда.

— О, нет, я видел кой-кого, но принял за своих...

— Идут сюда?..

— Они ждут кого-то, может быть у них нет еще начальника.

— Если не ошибаюсь, я видел одного из них, он старался держаться в темноте, чтобы не быть замеченным.

— Почему же эти ищейки медлят?

Все терялись в догадках. В толпе росло возбуждение.

— Не лучше ли бежать? — говорили одни и некоторые с ними соглашались...

— Но куда?..

В этом-то и была беда. Если монастырь действительно оцеплен, бегство было невозможным. Если всем сразу броситься на полицейских, солдаты откроют пальбу и, кто знает, будут ли счастливчики, которым удастся прорваться через возмущенную цепь.

Люди начали поддаваться панике. Некоторые даже было хотели лезть через ограду, чтобы поскорее выбраться из монастыря. Но тут вмешался Дорца.

— К порядку, товарищи! Если вы все будете действовать врозь, вас переловят по одному, как пирля. Этого-то, очевидно, и хотят полицейские, а иначе они давным-давно захватили бы нас. Видите, они ждут

нас у ворот, надеясь, что мы станем выходить в одиночку.

— Черт возьми, но это правда, — согласились окружающие.

— Я предлагаю вот что — продолжал Дорца, — надо сделать попытку отвлечь внимание полицейских и заставить их сосредоточить своих людей в каком-либо одном месте.

Помимо главного выхода в монастыре есть еще один выход со стороны северной башни. Если этот маневр удастся нам, мы уйдем. По крайней мере, большинство уйдет.

Возражений не было. Но главная задача заключалась в том, как отвлечь внимание полицейских?

— Черт возьми, но это дело, кажется, не совсем легкое. Ищейки вообще народ осторожный и на удочку их не так-то легко поймать.

И тут опять-таки выручил Дорца.

— Я думаю, — сказал он, — что одной только хитростью мы не отделаемся от полицейских. Тут нужно кое-что побольше. Решимость, по моему нужна. Вот эта стена, — и он указал в сторону входа на кладбище, — достаточно крепка и может послужить на время надежной защитой. Но боюсь, что среди нас вряд ли найдется достаточное количество оружия.

Сверх ожидания, оружие нашлось, и нашлось его даже больше, чем требовалось.

— Великолещно, — заметил Дорца, довольный первым успехом. — Радужный прием мы устроим этим молодцам, если теперь еще несколько человек согласятся пойти со мной.

— Мы готовы идти хоть все, — раздался голоса.

— Вот этого как раз и не надо, — сказал он — Мне надо, по крайней мере, не больше пяти человек, а остальные должны будут... товарищ Лонго! Идите сюда и слушайте, что надо вам сделать. Как только мы

откроем стрельбу, вы поведете всех через северную башню. Ну, разумеется, с осторожностью и без шумихи. А то испортите все дело. О нас пожалуйте не заботьтесь. Вооруженные, мы сумеем постоять за себя. Итак, за дело! Не теряйте драгоценного времени.

Шесть человек во главе с Дорцей отделились от массы и вскоре скрылись в темноте.

Прошло несколько минут томительнейшего ожидания. Они показались многим вечностью. Но вот, наконец-то!..

Заглушаемый шумом деревьев и дождя, раздался сухой треск выстрела. За ним последовал другой, но значительно дальше первого. А там третий, четвертый...

Стреляли, очевидно, в разных направлениях и выстрелы принимали беспорядочный характер.

Свежая, только что зарытая, могила опустела. Люди растаяли в темноте. Лонго хорошо знал свое дело...

Дорца крепко засел с товарищами за могильными плитами как раз перед самым входом на кладбище. Он не видел в темноте людей, а бил направо.

Первый расчет его оказался верным. Лонго без приключений вывел толпу из ограды и ближайшим путем — на дорогу, к городу. И на весь этот несложный маневр потребовалось времени значительно меньше, чем думал Дорца, находись в засаде.

Для Дорца и товарищей дело, на оборот, принимало рискованный уклон. Полицейским, очевидно, надоела перестрелка под проливным дождем и они решили поскорее покончить с засевшими у могильных плит смельчаками.

Это не ускользнуло от внимания Дорцы.

— Ну, ребята, надо уходить, а то отступление будет поздно, — сказал он товарищам.

— Уходите скорей, а я придержу этих молодцов еще на несколько мгновений.

Чтобы создать впечатление, что в засаде количество людей несколько не уменьшилось, он стал перебегать с места на место, рискуя наскочить на шальную пулю.

И все бы обошлось благополучно, если бы полицейские заблаговременно не зашли в тыл. Дорца собирался уже оставить свои позиции, как вдруг он услышал выстрелы у себя сзади.

— Несомненно, товарищи попали к лапам полицейских, — подумал Дорца.

Остаться на месте и защищаться было дело безнадежным. Отступление было тоже немислимым. Оставалось одно — искать убежища в самом кладбище.

Если он спрячется где-нибудь среди могил — его могут найти.

— Нет, лучше уж забиться куда-нибудь в угол кладбища, — подумал Дорца.

С револьвером в руке, он пополз вдоль стены, стараясь не делать шума. Крапива ему обжигала лицо и руки. В одном месте он попал на стекло. Горячая кровь заструилась из правой руки.

Дорца осмотрел кругом себя могилы и стену, стараясь повясть откуда взялось стекло. И вдруг чувство радости заставило сильнее забиться его сердце.

Перед ним было подвальное окно. Кому то нужно было выбить эти стекла. Там, внизу, вероятно, был склеп или усыпальница одной из дворянских фамилий. Могло быть, что и просто подвал. А впрочем, не все ли равно?

Дорца растянулся на земле и про сунул ноги в око, стараясь ими достать до полу. Но подвал, очевидно, был высок и ноги его болтались в воздухе.

Затем он опустился еще ниже, насколько ему позволяли руки. Вязаный холод охватил его до самых колен.

— Э-э... да тут кажется не совсем теплая вода — подумал он, продолжая висеть на руках.

Он с минуту раздумывал, спускаться ему или вылезать наружу. И было решено уж выбраться из подвала, но руки его от продолжительного висения ослабли и волей — не волей приходилось спускаться вниз.

Вода в подвале, однако, оказалась не совсем глубокой и ее заходила выше пояса. Дорца ощупью, наталкиваясь на каменные глыбы, стал передвигаться вглубь.

Он не ошибся. Это была старинная усыпальница каких-то князей или баронов времен первых крестовых походов.

Гробницы, как это показало Дорце, стояли параллельными рядами, между которыми он теперь и продвигался вперед.

— Где-нибудь тут должен быть и выход, — подумал он.

И действительно, его нога вскоре уперлась в новую гранитную глыбу, оказавшуюся ступенькой мраморной лестницы.

И вдруг волосы встали дыбом на его голове.

Он не был трусом, но то, что он почувствовал, было большой несчастью.

В подвале кто-то был еще.

Дорца совершенно ясно слышал шорох перед собой и заглушенный человеческий лапэт, скорее похожий на бред большого человека.

Он в один прыжок очутился наверху лестницы и еще раз пригнулся.

Выло несомненно, что где-то рядом с ним, в усыпальнице баронов, лежал живой человек.

Этот человек, повидимому, не замечал присутствия непрощеного гостя, пока Дорца, по неосторожности, случайно не упал на него. Человек вскочил и дико вскрикнул, обдавая лицо Дорцы струей горячего дыхания:

— Кто смел войти сюда? Как вы осмелились войти сюда без моего разрешения. На колени, негодяй! На колени... Разве вы забыли, что я ваш король... Да, я король!

— А разве короли шлеются по подвалам, — сказал Дорца, пытаясь засмеяться.

И тут же почувствовал, что первое его возбуждение начинает проходить.

— Вы не верите? Я завтра же прикажу повесить вас... Я покажу вам, как шутить с королями!.. Я — король мертвых... Да, я — король...

— Бросьте валять дурака, милейший! Вы меня не запугаете и не скоро выкурите отсюда, если только это входит в ваш расчет. Я догадываюсь, что привело вас сюда. Вам негде было ночевать. Но этому виновной не я, а закон того общества, в котором жалостию блага распределены далеко неравномерно. Я думаю, что на одну ночь вы поделитесь со мной своим убежищем?

Но человек молчал. Потом он сел и Дорца услышал, как его голова глухо ударилась о стену.

— Он или пьян, или болен, — подумал Дорца, опускаясь на колени, чтобы узнать не разят ли от этого человека запахом алкоголя.

Дорца настолько низко окончился над ним, что теперь не оставалось никакого сомнения. Этот человек, повидимому, был совершенно трезв.

— Почему же, в таком случае, он не просит у меня ни помощи, ни другой услуги, если он болен? Может быть, он лишился сознания, — носилось в голове Дорца.

Почему Дорца не удивился присутствию этого человека в подвале, было больше чем понятно. В Реме тысячи людей умирают прямо на улице. Бедняки ютятся в старых, полуразрушенных домах, а с бульваров и гонят ночные сторожа и сержанты. Были случаи, что эти несчастные устраивали дебоши или мелкие преступления только с одним расчетом — попасть в тюрьму. Даже суровая фашистская тюрьма казалась им веселым раем по сравнению с жизнью улицы. Оставаясь по нескольку месяцев без работы, они, в конце концов, готовы были совершать какое-нибудь преступление. Кусок хлеба становился ценою жизни этих людей. И не мало из них пореботало на руку прожвору самих фашистов.

Кто смеется страдать, что эти люди, доведенные до отчаяния нуждой и муками голода, не участвовали в разгроме комитета коммунистической партии, не тронили рабочие организации и не убивали из-за угла тех, кто стал перекрестком дороги свирепым палачам фашистского правительства. О, вот, это слышим знакомые дела, чтобы сомневаться чья рука управляла ими!

Дорца еще ниже окончился над несчастным. Ему казалось, что этот человек умирает. Его пальцы легко

уловили, как слабо бился пульс у бедняги и как порывисто подымалась грудь.

Проклятая яма! Если бы не так трудно было выбраться отсюда, он, не задумываясь бы, вылез из нее и позарился бы улизнуть.

Но не найдет ли он еще выхода из усыпальницы? Однако все попытки стиснуть этот новый выход рывками о холодные стены

Конечно, выход должен быть отсюда. Но из за проклятой темноты Дорца не мог различить даже собственных рук.

Оставалось одно — ждать рассвета. Только тогда можно будет выбраться из этой ямы и унести, а если потребуется, и унести с собой больного. Дорца опустился рядом с ним на мраморные плиты и положил себе на колени его голову. Тот даже не пошевелился. Не умер ли уж он? — снова подумал Дорца.

Но тревога была напрасной. Как будто сознательно, чтобы показать, что он жив, больной стал кашлять. Это были судорожными конвульсиями, безжалостно корчившие все тело больного. Но потом кашель утих.

Так они просидели, по крайней мере, часа три, пока Дорца не заснул.

Уже день давным давно сменил ночь и солнце яркими снопами света заливало мрачную усыпальницу баронов. а Дорца все еще спал, прислонясь головой к гробнице «славных предков» римской империи.

Открыв глаза, он не сразу еще понял где находится. Вокруг было бесчисленное количество гробниц, еще влажных от сырости. Но воды в подвале не было. Очевидно, за ночь она успела стечь и наполнила подвал только тогда, когда небо щедро поливало землю дождем.

Взгляд Дорца упал на лицо бѣлаго. Это было лицо скорее мученика чем живого человека. До того оно было безжизненно и изборождено ранами.

Но и в таком виде изуродованное кровавыми следами и бѣлой, оно показало почему-то знакомым Дорце.

— Я, в жетя, видел его... Но где?—

Он изо-всех сил старался припомнить встречу с этим человеком. И вдруг крик изумления вырвался из его груди.

Профессор Рокамболь!..

Да это был профессор Рокамболь. Но как изуродовали его!

Когда падлач и паша что бѣлый старик сошел с ума, они оставили прежнюю свою ватею добиться от него показаний. Да и не в показаньях было дело. Профессор ровным счетом ничего не мог „показать“ от себя, а все было подготовлено заранее.

Нужно было только подписать кое-какие докуменчики. О, тогда онъ бы Берти остался бы совершенно доволен профессором! Но к жэ профессор оказалась ничем не лучше кожи старого барабана. Тогда для верности, его еще избивали, бросали сюда в подвал и заперли на замок.

Старик был настолько слаб, что все попытки выбраться из усыпальницы оказались тщетными. Это он разбил окно, но бедняга не мог воспользоваться им. Руки отказывались служить при подьеме, а во всем подвале не было ничего, что могло бы выручить из беды.

Дорца решил о что бы то ни стало извлечь профессора из усыпальницы и доставить в Рим. Там на окраине города, в крошечном домике с мезонином жила одна рабочая семья, которая, несмотря на ли-

шемя, согласилась бы приютить у себя несчастного старика.

Надо было только скорее искать выхода. Дорца осмотрел весь подвал пока не наткнулся на единственную дверь, но и та оказалась запертой снаружи. Сам он мог выбраться тем же путем, каким проник сюда. Но этот путь был совершенно недоступен для профессора.

Чертовски щепетильный вопрос!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

— Тсс... Не стучите так сапогами. Он, кажется, заснул.

— Я только присяду, тетушка Мадалена. Это хорошо, что он заснул.

— А вы жэ так и не сказали, где подбирали этого беднягу, — тихо произнесла тетушка Мадалена.

Воды ослепительного света заливали маленькую комнату в рабочем домике на окраине Трянстваре. Оттого-ли, что тут при ярком свете особенно выступала убогость обстановки, или оттого, что солнечные лучи вре. оклили его бѣлого, тетушка Мадалена звесила окно огромным плотяным лоскутом. Комнату охватил полумрак.

На низенькой, жесткой кровати лежал профессор Рокамболь. На столике у изголовья стояла тѣма всяких монзурок, флаксов и склянок с микстуры. Вольной в течение трех дней находился между жизнью и смертью, а теперь он уснул глубоким сном, которого так ждали и тетушка Мадалена и Моралице Дорца.

— Развэ я вам не рассказывал? — спросил Дорца.

Он тяжело опустился на табурет и вытер пот со лба.

— Но это длинная история, тетушка Мадалена. Я нашел его я

узынальнице доминиканского кладбища и только после долгих усилий мне удалось извлечь его оттуда.

— И вы не боялись, что вас могут поймать на кладбище? — спросила тетюшка Маддалена.

— Меня могли поймать в любое время, если бы только стали хорошо искать, — сказал Дорца, — но, видимо, эти молодцы чересчур усердно занялись товарищами...

— Неужели их перебили?

— Точно я не знаю, перебили ли их. Но сейчас я виделся с Лонго, и он рассказывает, что организация не насчитывает многих людей.

— Так это правда, Моралито?

— У кладбища во рту нашли труп Берруни, а его затылок, говорят, заставили проглотить проволоку с крючком. Они хотели у бедняки вытащить жезлудок. Только процедура эта не удалась и они его убили.

Тетюшка Маддалена всплеснула руками.

— Как хотите, Моралито, но я не отпущу вас больше одного.

— Этого как раз и не следует делать, тетюшка Маддалена. Из любви к одному вы решаетесь подвергнуть опасности и других. Я бы ни за что не согласился пойти даже с вами, когда нас преследуют, как зверей.

— Тогда уж лучше сидите дома. Это совсем рискованно — выходить по ночам и бродить по городу. У фашисты очень хороший нюх и они вас могут скоро поймать.

— Может быть вы и правы, тетюшка Маддалена, — неопределенно уронил Дорца.

Но когда настала ночь и лунный луч закрался в комнату, Дорца надел плащ и снял с вешалки коши.

— Куда вы? — остановил его Маддалена.

— Я дойду только до Виа Фраттина. Это совсем недалеко и скоро вернусь.

— Знаю я, как это у вас скоро... Уж лучше бы не ходили сегодня, а послали бы за себя Антояно. Он проворный малый. Только надо растолковать, что ему делать...

— О, vez, тетюшка Маддалена! Уж лучше я сам. Я только узнаю, что стало с Эник Ньюди и Грамши.

И он решительно взялся за ручку двери.

— Вы только позаботьтесь о профессоре, — сказал он на прощание тетюшке Маддалене. — Не забудьте, питьё через каждые два часа по столовой ложке и через час пилули. Смотрите лед не снимайте ни в коем случае.

Ночь была светлая и длинные тени судорожно ползли по земле. Над Тибром поднимались облака тумана. Дорца втайне укрылся плащом и низко нахлобучил коши.

Улицы Транстевере были совершенно пустыны. Лишь в двух-трех местах он встретил прохожих и единственного на весь район возницу, который дремал у таверны „Кривой рог“.

В тунные ночи в Транстевере не зажигают фонарей, хотя в этих местах бывает и небезопасно ходить. В это время сержанты предпочитают сидеть где-нибудь в таверне, почему Дорца и не встретил ни одного из них на улице.

Так он дошел до замка св. Ангела и большого каменного моста через Тибр, за которым начиналась аристократическая часть города. По ту сторону моста стоял сержант и подозрительным взглядом оживил ночного пешехода.

Дорца благополучно миновал мост, повернул на Виа Рипетта, а отсюда, через два-три квартала, началась Виа Фраттина.

Дорца прибавил шаг; во на углу его окрикнули:

— Стой! Кто идет?

Он хотел было бежать, но потом решил, что бегством только навлечет на себя подозрение и испортит все дело.

— Лучше всего этого молодца обойти хитростью,— подумал он, и решительно подошел к сержанту.

— Мне нужна ваша помощь. любезный,— сказал он.— В квартиру дома 47 зашли воры и унесли ценные вещи. Я прошу вас немедленно же составить протокол.

— Вору?— удивился сержант, хотя в этом и не было ничего удивительного.

В Риме воров столько же, сколько карасей в любом пруду.

Но чтобы усилить впечатление своих слов, Дорца добавил:

— Воры-вораки, а я нашел еще мешок, в котором оказался труп без головы... В-пр!..

— Все там же?

— Да-да, улица Виа Фонтан 47,— сказал Дорца наугад.

— Обождите одну минуточку.— заволялся сержант.— Я только позволю в префектуру.

И сержант бросился со всех ног куда то в сторону указанной улицы.

Довольный таким оборотом дела, Дорца тоже ударил наутек. Он миновал целых два квартала в каменную либо несколько секунд.

Вот дом № 35 по Виа Фраттина. Сюда, после разгрома, перешел комитет партии. Дорца вбежал по крутой лестнице наверх и постучал в дверь. На звук никто не ответил.

— Что за дьявольщина? Неужели все разбежались?— подумал он и вдруг почувствовал, что зади кто то стоит. Он быстро обернулся и увидел, что на него наведено дуло револьвера.

— Руки вверх, ни места!— раздался громовой голос.

Дорца не опешил. Он развинулся и ударом ноги стиб противника. Тот вскрикнул и покатился по площадке. Дорца стремглав бросился вниз. Вслед раздался выстрел. Но пуля не задела беглеца.

Дорца с разбега распахнул дверь и вылетел на двор, а затем прыкнул было в под'езд, но две темные фигуры преградили ему дорогу.

Дорца схватил одного из них за руку и так сильно рванул за кисть, что тот, потеряв равновесие, свалился на землю. Второй оказался не сильнее. Завязалась борьба. Противники катались по земле, стараясь поймать друг друга за горло.

Но перевес, в конце концов, был не на стороне Дорцы. Его связали и стали бить пинками. Бедняга стиснул зубы, чтобы не издавать криков боли. Откуда то появлялись еще люди.

— Где автомобиль?— сказал вдруг один из них.— Давайте его скорей сюда!..

Дорцу перенесли на автомобиль. Двое сели рядом с ним. Автомобиль вздрогнул и рванулся вперед.

— Погиб,— мелькнуло в голове Дорцы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Когда за Дорцей с треском за хлопнулась дверь и в замке звякнул ключ, он вздохнул с облегчением.

До последней минуты он был уверен, что его увезут и убьют где-нибудь во рву. Ведь только на-днях в Тоскане коммунист Валенти был привязан к автомобилю и протащен через весь город. Подожки этому конец только тогда, когда тело превратилось в безжизненную окровавленную массу, и родственниками была

погребка на кладбище лишь безформенная груда жаса.

Дорца внимательным взглядом окинул камеру. Это был один из тех каземагов в тюрьме „Реджина Чели, в которые с тиграми бросали коммунистов.

Стол и деревянные нары составляли всю обстановку камеры. Узкое окно под самым потолком проливало слабый свет. Стены были сыры и местами покрыты плесенью.

Дорца стал осматривать стены. Во многих местах они были испещрены надписями.

Вот кто то оставил выразительное послание:

Пример живет. Родится ли решимость
В ослабленных плечах моей страны?
Да! Меч рабочего и здесь несокрушимо
Сомнет Италию неправды и войны!..
Российский след к борьбе зовет.
К борьбе! На бой!.. Прямой живет.

Были и провозгласили мажорские надписи, вроде:

28 — VIII. Здесь сидел коому
1922. нист Ферреро.

Дорца знал его. Вспомнил. Это был рабочий-металлист, зверски замученный фашистами.

А сколько других ужасов совершалось в этих стенах, сколько человеческих жизней унесла суровая тюрьма!

Вот еще одна надпись. Дорца сидит ее прочитывать но ничего не выходит. Всматривается поближе:

А Б В Г Д
Е Ж З И К
Л М Н О П
Р С Т У Ф
Х Ц Ч Ш Щ
Ы Ю Я.

— Чепуха!

И он тянется к нарам. Приятная теплота раздается по телу. Глаза

закрываются и сон поглощает действительность.

Вдруг удар в бок Дорца открывает глаза.

— Одевайтесь, на допрос..

— Ну, ведь ночь.. Куда же на допрос?

— Не рывгов-рывать..

В кабинете комиссара сидит инспектор тайной полиции Куальотти. На лице старого пазача и садеста нечто отдаленно напоминающее любезность.

— Присядьте, синьор!..

Инспектор встает и подходит вплотную к Дорце. Силится улыбнуться. Но вместо улыбки жуткая гримаса.

— Мы решили ходатайствовать о вашем освобождении. Я лично совершенно убежден... вы будете свободны... совершенно свободны..

И опять по лицу т-же гримаса.

— Только.. понимаем.. услуга за услугу.. Тут одна девица.. молодая.. Раньше имела связь с вашей партией.. но изменила.. Важно точно установить ее фамилию.

— Лжет от конца до конца, — мелькает в голове Дорцы.

Инспектор нажимает кнопку звонка. В дверях появляется шпик. За ним два штыка и между ними.. угловатая девица.

— Знаете?

Смотрит в упор на Дорцу. В глазах желтые, блудливые огоньки.

Дорца знает. Это — коммунистка Баче. Бледная, измученная. На лице кровавый сгусток вместо правого глаза. Ее бьют и оидя. Это всего меньше.

— Знаете? — срывается сильный голос садиста.

— Нет. Похожих встречал, но эту — в первый раз.

— Уведете ее!

И когда за спиной Бича закрывается дверь, инспектор тайной полицией сбрасывает маску притворства:

— Лжете, негодяй! Вы думаете, мы вам поверим? Нет, слишком хорошо мы знаем всех этих мерзавцев!

Инспектор начинает кричать, топтать ногами и стучать револьвером по столу. Это обычный прием запугивания. И только после того, как ему покажется, что жертва достаточно напугана, начинается допрос.

— Кто вам передал банковый билет? — вдруг выпаливает инспектор.

— Не понимаю, о каком билете вы спрашиваете, — недоумевает Дорца.

— Ах, о каком? Извольте, я скажу: о банковом билете, подписанном советским комиссаром Кра-си-ным.

— Ни я, ни комитет партии поддельных билетов никогда не имел, — говорит Дорца.

— Лжете! Вот расписка, доказывающая что вы передал этот билет лицу, имя которого я пока не назову.

И инспектор дает ему бегло пробежать несколько строк:

...мной получен английский банковый билет на подписью г. Кра-си-на, советск-го представителя при Его Величестве короле Великобритани, на сумму в 1000 итальянских лир, в чем я расписываюсь...

— Чья это расписка? — настаивает Дорца.

— Я вам сказал, что имя пока не назову.

— Значит вы убеждены, что это фальсификация.

— Не рассуждайте, а отвечайте прямо на вопрос: от кого получен вами этот банковый билет в 1000 лир?

— Не желые вопросы я не отвечаю — хладнобровно роняет Дорца.

— Великолечно. А что вы скажете о своей преступной деятельности, о своем подстрекательстве рабочих и возбуждении в них классовой ненависти? Что вы скажете?

— За свою революционную деятельность я принимаю полную ответственность...

— Значит вы отказываетесь отвечать на мой первый вопрос?

Дорца только пожал плечами.

— Тогда посадите и подумайте. Уведите его!.

Два карабинера подошли и встали сзади.

Дорца снова очутился в одиночной камере. Ночь давным давно спустилась на землю и в камере был полный мрак. Узник попытался сомкнуть глаза, но сон не приходил к нему. Мысли возникли в голове.

— Фашисты снова замышляют что-то против компартии, — думал он, и почему они не убили меня сегодня, если для этого был удобный случай?

Но вдруг стало ясно. Ясно больше чем вполонизу. Фашистское правительство хочет покончить с коммунистической партией. Но стараясь придать кровавому режиму „демократический“ характер, оно не осмеливается официально распустить те остатки партии, которые сохранились еще от произвола фашистских палачей.

Одна мысль цепляется за другую:

Они, конечно, разыграют комедию суда и постараются нас упечь по-дальше. Значит и товарищи арестованы. Может быть, что за этой стеной они мучаются, как и я.

И вдруг, как бы в ответ на его мысль раздался стук в ответу Дорца насторожился. Случаю из соседней камеры. Он тоже осторожно постучал в ответ.

Стуки из соседней камеры были мерные и с определенными промежутками. Очевидно с ним хотели говорить. Но в крайнему огорчению он не знал тюремной азбуки.

— Какая досада!

И бедный малый замахнулся было сплюнуть, как вдруг вспомнил надпись выденную на стене:

А Б В Г Д
Е Ж З И К
Л М Н О П
Р С Т У Ф
Х Ц Ч Ш Щ
Ы Ю Я

— Не азбука ли это?

И что-то подсказало ему, что это как раз и есть тюремная азбука.

— Но как ее читать?

А из соседней камеры продолжали мерно стучать, вызывая на разговор.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Дорпу охватило внезапное волнение. Все свое внимание он сосредоточил теперь на этих мерных ударах в стену, стараясь найти ключ к разгадке азбуки.

Стуки чередовались с небольшими паузами. Дорца несколько раз пытался сосчитать их и, в конце концов, сделал заключение, что число ударов между паузами не превышает пяти—шести. Он восстановил в памяти выденную им только что днем азбуку и обратил внимание, что и в шести рядах азбуки число букв, в отдельности по каждому ряду, тоже не превышает пяти.

Разгадка была где-то в пределах этих пяти шести ударов, которые, как электрический ток передавались его козгу.

Он снова внимательно прислушался. Первая догадка оказалось верной. Удары по прежнему вращались в пределах этих пяти—шести знаков.

Но тут Дорца уловил и несколько иной оттенок в паузах. Но продолжительности они совершенно правильно чередовались таким образом: длинная и короткая, а затем снова—длинная, короткая.

И тогда он сделал предположение:

— Не иначе, как число ударов обозначает ряд и место букв в азбуке, а длинную паузу отделяют их одну от другой. Но к чему же тогда короткие паузы?.. Ну да! А короткие отбивают счет места и ряда букв.

Тогда он решил отстучать свое имя:

— Дорца.

Но очевидно его не поняли. И он долгое время не мог понять ответных ударов пока не нашел свою ошибку. Просто напросто он перепутал порядок счета.

В то время, как следовало вначале отстучать ряд, а потом место, Дорца это сделал как раз наоборот. Но он тут же исправил свою ошибку.

Первое, что он понял из длиннейшей вереницы ударов в стену, было:

— К-т о?

— Конечно, меня спрашивают, кто я?—решил он, как будто бы это „кто“ могло обозначать и что-нибудь другое.

Чтобы не спутаться, он стал отвечать отрывочными ударами, соответственно увеличивая паузы.

— К-о-м-и-у-н-и-с-т.

Ему ответили:

— Мы тоже коммунисты.

— Сколько вас?—спросил Дорца.

— Здесь двадцать восемь. Рядом еще трое.

— Двадцать восемь и трое—тридцать один,—сообразил Дорца.— Таким образом, я тридцать второй. Значит,

арестован весь комитет, провалилась
и организация.

И Дорца от бешенства сжал кулаки. К горлу подступили спазмы. Он
гсем телом припал к стене

— Кто с вами?

— Гаврило Гривши, Ньюди, Греко
Легба, Мовти, Арханджеко.

— Так и есть. Весь комитет, — со
с ним вырвалось у него из груди. И
забыл все меры предосторожности,
он невольно громко отчеканил в стену:

— Я Дорца!

Сообщение „Дорца в соседней ка-
мере“ произвело ошеломляющее впе-
чатление на заключенных в общей от-
делении. Все полскакала с нар и под-
няла необычайный шум.

Но как раз в это время звякнули
ключи и с треском распахнулась дверь.
На пороге стоял сам господин про-
курор

Он явился в камеру в серкрасном
настроении. В всяком случае, голос
его звучал бодро и даже весело:

— Добрый вечер, господа..

Но видно того, что это приветствие
было необычным в тюремных условиях
и что исходило оно от испытанного
в пала своих делах „господина про-
курора“, вдобавок еще окруженного
целой плеядой тюремщиков и поли-
цейских шпеек, заключенные сочли
за лучшее не обращать внимания на
несогласных посетителей

— Встать! — вдруг загрелся голос
одного из шпеек решившего проявить
свое раннее порядку — Встать жер-
завцы! Перед вами господин про-
курор.

Но что то из толпы на это за-
кричал:

— Не вскакуйте, господин шпик.

Вся камера безудержно громко
расхохоталась. На мигу все забыл
о прокуроре.

Вледный, с трясущейся челюстью
он подошел вплотную к заключен-
ным

— Ваша фамилия? — обратился он
к одному из них, видя, что тот все
еще улыбается.

— Вы же видите: и только сего-
дня был на допросе.

Прокурор круго повернулся на каб-
луках и задыхающимся от бешенства
и злобы голосом уже в дверях бро-
сил следовавшей за ним веренице
тюремщиков:

— Заковать в кандалы..

— Слушаю, господин прокурор.

— И в ручные.. и в ножные..

— Слушаю, господин прокурор.

Лакоиническое приращение прокуро-
ра разом рассеяло веселое настрое-
ние узников.

Всем было хорошо известно, что
значит быть закованным в кандалы.
Беднягу закут и бросят в подвал.
В тот самый подвал, откуда только
вчера извлекли труп одного из за-
ключенных, истерзанного до неузна-
ваемости.

И все засыпают с тяжелым чув-
ством, прижимаясь друг к другу, на
жестких матрацах, висящих парави-
тами.

На утро всех их выводит во двор.
Но многие бы отдали полжизни за то,
чтобы только не видеть этот тюрем-
ный двор.

Вчера ночью взяли троих из них.
Взяли под предлогом, что ведут на
допрос. А теперь в остальных вы-
строили всех в ряд на дворе.

Командант тюрьмы, человекообра-
зный зверь, с налитыми кровью гла-
зами и с нагайкой в жилетной, об-
расшей волосами руке, подает команду:

— Встать, смир-р-но!

Из подвала вырывается человек,
чудодейное воплощение пакачества и
садыма.

— Смирно, несчастные!..
Это не крик, а хрип. Прохрипел и обернулся.

Из подвала показываются штыки. Потом три окровавленные, еле держатся на ногах, фигуры. За ними — опять штыки.

— Это они!

Те самые, которых вяла ночью. Жуть пробежала по толпе.

Простым гвоздем, простыми клещами и раскаленной проволокой нельзя сделать того, что сделали с их лицами.

Палачи доводили впечатлением. Во всяком случае, они исполняли приказание „господина прокурора“...

Но тут произошло маленькое замешательство. На тюремный двор въехал большой закрытый автомобиль. Из него вышел каурал и передал коменданту какой-то пакет.

Заключенные переглянулись. Пестом комендант куда-то бегал Тех, что вывели из подвала, внезапно взяли в приемный покой. А комендант, как бы оправдываясь, заявил капралу:

— Не могу, знаете ли. Но через три дня, ручаюсь, я доставлю их. Будьте покойны.

И вдруг он стал необыкновенно ласков и слащав:

— Садитесь, господа! Садитесь. Прокатитесь, хе-хе...

— Куда? Мы же поедем, — раздались было голоса.

— Садитесь, — настойчиво и угрожающе прозвонел голос капрала.

— Садитесь. или я прикажу карабинерам взять вас насильем...

Как узники ни сопротивлялись, а в конце-концов их все таки загнали в влетку автомобиля и захлопнули дверцу.

— Все в порядке, ошьюры! — весело крикнул комендант.

Автомобиль рванулся с места и скрылся за воротами тюрьмы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

В кафе и тавернах, на бульварах, у под'ездов театров и в дожах бенуара, наконец, у акварнумов общественных бань, в эти дни только и было разговору, что о „государственном заговоре“, раскрытом агентами тайной полиции.

В один день столицу Италии облетела сенсация о предстоящем процессе 82 коммунистов. Еще с утра двери трибунала ломались под напором публики, жаждавшей попасть в зал заседания.

„Джорнале д'Италя“, у которой патристическое неистовство сочетается с трусостью, посвятила процессу не один десяток столбцов очередного номера.

„Наши читатели, — писала она, — вероятно уже знают кое-что о претивходной операции агентов политической полиции, которым удалось арстовать целый ряд шпионов Коминтерна и среди них захватить известного Моралито Дорцу, в тот самый момент, когда он собирался улизнуть.

... Дорца был арестован на лестнице дома № 35 (улица Виа Фраттина), в верхнем этаже которого преспокойно расположился итальянский комитет партии, примыкающей к Московскому III Интернационалу...

... Обвиняемые заявили в своих письменных показаниях, что принимают полную ответственность за свою революционную деятельность.

... Процесс привлекает внимание благодаря особенностям тому обстоятельству, что у Дорцы была конфискована росписка в получении от него английской банковской билета в 1000 лыр за подписью Красина (!)

... Судебное разбирательство назначено на сегодня в 11 уголовном отделении суда“.

В полдень усиленный наряд конных карабинеров оцепил здание трибунала. Четверть часа спустя закры-

тый черный автомобиль подкатил к под'езду. Наряд карабинеров сомкнул ряды, оттеснив наседавшую со всех сторон публику.

Комедант суда распахнул дверцу автомобиля и сейчас же из него стали выходить люди. Комедант волновался и успокоился только тогда, когда голосом, охрипшим от волнения, сказал свое последнее:

— Тридцать два... Все в порядке, господа!

Обвиняемых под охраной повели по корридору, а следом бросилась толпа, неистово тесня и давя друг друга. С шумом и воплями толпа ворвалась в зал заседания, причем каждый старался занять место поближе к скамьям подсудимых.

32 обвиняемых, и в том числе Дорца, держались спокойно, как будто бы не их, а они сами собирались судить королевский трибунал.

Только вначале, как будто бы, Дорца приуныл, тревожно поглядывая в публику. Но и этот налет непонятного уныния прошел моментально. Лицо его расцветало в улыбку, когда толпа совершенно растворилась в зале. Он увидел, что большинство зрителей — как раз те, кого он страстно желал видеть на своем процессе.

Почти все рабочие судостроительных верфей и каменоломней из окрестностей Рима пришли сюда, чтобы присутствовать на процессе коммунистов.

Шум стоял необычайный. Шесть сержантов, усердно наведывавшие порядок в зале, немучились до того, что пот в три ручья лил с бедняжек. Толпа была в состоянии какой то экзальтации.

И вот обычное:

— Встают! Суд идет...

Многие с шумом встали. Часть публики продолжала сидеть.

Когда был прочтен обвинительный акт, скрепленный пятью статьями уго-

ловного кодекса, в публике раздались восклицания:

— Ого! Это пахнет кровью...

— Но этого мало.

— С негодами надо расправиться по всякому.

— Их всех следует перерезать...

— Ну, это посмотрим.

— Да, да! Посмотрим еще, синь оры.

Все обвинения, в сущности, сводились к одному—заговор против безопасности государства.

При допросе обвиняемых председательствующий—типичный бульдог, у которого нижняя губа свисала ниже галстука,—вкрадчиво и заметно пронычески уронил в сторону Дорца.

— Итак, что вы скажете, господа?!

— Вообще говоря,—твердо произнес Дорца,—коммунисты за уничтожение классовых различий и за переход власти в руки пролетариата. Но переход этот первоначально должен быть подготовлен...

— Где? На Виа Фратинна?—с усмешкой перебил ξ председательствующий.

— Я говорю, организационно подготовлен.

— Пропагандистская и организационная деятельность не запрещаются действующими законами, синьор! А раз вы сидите на скамье подсудимых, значит, дело не ограничивается одной организационной деятельностью. Признайтесь что вы замыслили революционный переворот.

— Наша партия далека от мысли что революционный период наступил, р шительно отрезал Дорца.—Для нас время еще не пришло...

— Если вы не замыслили такого переворота, то почему сняли тайную квартиру для комитета своей организации? Почему вы, синьоры, прибегаете к нелегальным средствам?

—Нарушение правительством гражданских свобод и всех прочих конституционных гарантий не оставляет нам ничего другого, как прибегнуть к самообороне.

— Позвольте, о каких нарушениях вы говорите, сеньор?—вспылил председатель.

— А вот о каких! В то время, когда нам говорят, что в стране неизбежно охраняется тайна частной переписки, наши письма сплошь и рядом вскрываются. Учреждения нашей партии подвергаются разгрому, а наши товарищи—избиениям.

От этих слов лицо председателя стало красным, вочло он только сей час проглотил соевданую порцию устриц.

— Только с целью воспрепятствовать разгрому комитета,—продолжал Дорца,—мы не сочли возможным открыто и публично сызть для него квартиру. В связи с этим, если угодно, я напомню, что фашисты неоднократно угрожали разгромить помещение исполкома нашей партии в Милане. Там здание было занято полицией, которая запечатала его и в течение нескольких месяцев не снимала печатей, хотя никаких улик против вождей партии найдено не было...

— Довольно перебил председатель.—Признаете вы себя виновным в подготовке переворота?

Дорца покачал головой.

— Я отрицаю самым категорическим образом факт подготовки и насильственного свержения государственной власти. Наша партия пока находится только в состоянии обороны.

Председателю, очевидно, надоело возиться с допросом и он решил сразу же перейти в наступление.

— Ваша партия входит в III Интернационал?—спросил он Дорца.

— Да.

— Вы получаете какие-либо сведения из Москвы.

— Нет.

— Как нет? При обыске у нас найдена расписка на выдачу банкового билета з: подписью советского посла в Лондоне господина Красина.

Весь зал замер...

— У меня не было никакой расписки, — твердо прозвучал голос Дорца.

— А вы знаете профессора Рекамболь?

— Да.

— Где вы с ним виделись?

— Он был у меня в квартире.

— За что вы выдали ему банковый билет на 1 00 лир?

— Я не выдавал никаких денег.

— Неправда. Вот расписка профессора Рекамболь.

— Этого не может быть, воскликнул Дорца.

Публика в зале заговновилась. Фашисты подняли вой:

— В тюрьму их!

— В тюрьму шпионов Коминтерна!

— Вот расписка! торж-сывевал председатель.

— Это ложь!—вдруг крикнул кто-то в дверях. Это ложь, что профессор получил банковый билет...

Зал дрогнул и глаза всех устремились на того, кто теперь потрясал руками в воздухе, сы расся пробрался к столу трибунала.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Этот человек протиснулся сквозь густую толпу публики и оставил перед лицом трибунала. Все взоры обратились на него.

Я профессор Рекамболь,—вызывающе бросил он. — Я Рекамболь

и требую себе слова для внеочередного заявления.

Члены трибунала вначале было запротестовали. Председатель вскочил с места.

— Я запрещаю вам вмешиваться, — крикнул он в лицо профессору, обжигая его горячим дыханием. — Я погову карабасеров, эман...

Но ему не дали договорить. Часть публики повскакала с мест. Раздалась угрожающее крики:

— Дайте слов!..

— Зачем затмеваете рот?..

— Эти беснии разрешают говорить только фашистам.

— Пусть говорит профессор..

Председатель принялся неистово дергать за колокольчик. Звонки не помогали. Но тут выступил адвокат Кассинелли.

— От лица защиты, заявляю он, — я требую слова профессору Рокамболью. В противном случае защита и выдана за заседание.

Председатель побавровел. В практике „демократического“ суда это была еще неслыханная вещь, чтобы защита осмелилась познунуть за суд.

— Ну что же, мы ждем ответа! — наставлял адвокат Кассинелли.

После минутного совещания, председатель трибунала, наконец, объявил, что профессор Рокамболь может говорить.

Профессор заговорил быстро и горячо, залепываясь потоком слов:

— Это правда, что расписка подписана мной. Это правда!.. Но знайте кто из вас, синьоры, где и когда была она подписана? Я никакого отношения не имею к комитету коммунистической партии. Я — профессор, человек науки и никакого участия не принимаю в политическом движении. Я не знаю близко этих людей, но твердо уверен, что они

никогда не спустятся до той низости, которая стала знаменем фаши...

— Ближе к делу, — перебил председатель.

— Я сейчас, сейчас, — заговорил профессор. — Я категорически заявляю, что никакой расписки генеральному секретарю компартии не давал..

— Как не давали? — выкрикнул председатель. — Вот она, ваша расписка!..

— Расписка написана не мной, а только мной подписана.

— Но это все равно..

— О, далеко не все равно!.. Расписка была написана синьором Варьян..

— Варья? Кто такой Варья?

— Я точно не знаю, кто этот Варья, но уверен, что он имеет какое-то отношение к политической партии, если эта расписка оказалась среди документов, представленных ею. Я знаю, что этот Варья — фашист..

— Профессор, говорите яснее! — Трибуналу совершенно безразлично, чьей рукой был составлен текст расписки. Важно, что на ней была подпись.

Вот об этом то я и хочу сказать, — торопливо заговорил профессор, очевидно, боясь, что его лижут слова.

— Подпись была вынуждена срывать, — отчеканил Рокамболью. — Да, да! Посмотрите на мои руки и лицо! Вот посмотрите!..

И он поднял вверх руки, слышась похрипываемыми.

— Таким же язвам у меня в на ногах. Когда бы вас стали палить на огне и рвать из вашего тела живые куски мяса, то вы, синьоры, разве не сделали бы того, что сделали я?.. О, моя честь не погубила от того, что под огнем пытки я позволил себе подписать ложный доку-

менн. Под страхом смерти я подпи-
сал расписку. Под страхом смерти,
сильеры!..

И профессор, резко повернувшись
в сторону публики, снова поднял
кверху свои истерзанные руки.

Толпа взвыла голосом раненого
зверя. Человеческая волна было хлы-
нула к ломам трибунала. Но кара-
бинеры во-время преградили ей до-
рогу, ошестинив штыки.

— Долой комедиантов!—заревели
голоса.

— Давайте палачей сюда!

— Где спрячуся эти трусы?

— Освободите подсудимых!.. До-
вольны играть комедию..

Весь состав трибунала растерялся.
Почва обвинения сразу ушла из под
его ног. А рев толпы становился
все более угрожающим. Передние
ряды настолько сильно начали на-
пирать на карабинеров, что каза-
лось, вот-вот они не выдержат и
неудержимая волна людей хлынет в
ложа трибунала.

Положение трибунала становилось
критическим. Но скорее других на-
шелся председатель. Он возвысил го-
лос, чтобы перекричать толпу:

— К спокойствию, сильеры!

На мгновение передние ряды на-
пирающих становились.

— Трибунал прерывает заседание
и удаляется на совещание...

— Освободите подсудимых,—снова
рявкнула толпа.

— Освободите, довольно комедии!..

Однако, порядок был подорван не-
скоро. Возбужденные лица рабочих
каменоломней и судостроительных вер-
фей ясно говорили, что эти люди не
остановятся на перед чем, чтобы
снять подсудимых. Если нужно будет
они готовы разнести по камню все
здание трибунала.

Не прошло и полчаса после
того, как трибунал удалился на со-

вещание, а толпа начала выражать не-
терпение. Вначале послышался ропот
потом отдельные выкрики, а затем
снова все загудели, начиная стучать
стульями. Возбуждение наэлектризо-
вало массу.

Наконец, в дверях появились
члены трибунала и заняли места.

В зале наступила мертвая тишина

— Именем короля,—начал секре-
тарь трибунала и, захлебываясь
и проглатывая слова, стал читать
заключительный акт судебного про-
цесса.

—...всех обвиняемых оправдать.

Из тысячи грудей вырвался рздох
облегчения. Живой человеческий по-
ток устремился к скамьям подсуди-
мых. В одно мгновение их подхва-
тили на руки и с радостными кри-
ками понесли к выходу.

Десятка три здоровейших рук
подняли профессора и подбросили
кверху. Старик комично хватал ру-
ками воздух, словно он хотел задер-
жать свое падение.

Их вынесли на площадь Калура, а
отсюда через Тибр понесли на ули-
цу Виа Фраттина, где помещался
комитет компартии.

Если бы в это время кто-либо за-
глянул в кулуары дворца юстиции
откуда только что вышла толпа, то
он, наверное, попал бы в свидетели
такой картины.

Перед элегантным сильером в каст-
чатом пальто и такой же кепи сто-
ял, ввязко опустя голову, председатель
суда и что то весьма бессодержатель-
ное ронял к ногам своего собеседу-
ника. А тот, почему-то позволяя
ему обнюхивать свои внушительный
кулак, хрипел сильным басом:

— Осел вы, батенька... Трижды
осел! Эткий ведь процесс проваляли
Ну погодите же! Да и тому дураку,
Ворджиа, достанется на орехи...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Удивительно грубый народ в Трансевере! А говорят, что эти мазурики могут по неделе не жрать и ни звуком не выдают того, что они голодны.

Это суцая ложь, синьоры! Хотя бы, как раз сегодня червь вынырнула на улицу и стала бесноваться. Как будто бы синьоры не имеют права распоряжаться своей жизнью. И очень было некстати, когда один из грубиянов, сбидно сплюнув в сторону вклямы графа д'Аннуцио, ехидно сказал:

— Этой сволочи больше нечего делать, как только беситься от безделья...

Но, в самом деле, что тут обидного, если графу д'Аннуцио все сегодняшнее торжество обойдется значительно меньше, чем платят за день подневной платы тем же лентяям из Трансевере.

Ведь маленькая Анжелика так томительно ждала этот день! Граф серьезно спасался, как бы его девочка не лишилась в конце концов аппетита. Но страхи оказались напрасными. Когда осветили фасад и к под'езду стали под'езжать фкавры и автомобили, Анжелика вдруг оживилась и звенко рассмеялась, радуясь торжеству.

В саду играла музыка. Разноцветные бенгальские огни освещали аллею и разукрашенный фронтис резиденции графа.

Маскарад начался. Огненные шары блестящего фейерверка с треском взвились к небу и осыпались снопами разноцветных искр.

В ослепительном вестибюле, где тысячи хрустальных люстр давали больше свету, чем дневное солнце, Анжелика смеялась с каждым, пока в портьерах дверей не показалась элегантная фигура нового лица.

Этот человек был в маске и костюме венецианского дожа.

— Ах!...

Анжелика чуть-чуть не выронила веер.

— Вы меня узнайт?—говорил он, крепко пожимая ей руку.

Ну, конечно, она узнала его. Узнала сразу-же. Какое счастье чувствовать его рядом! Сколько теплоты в прикосновении этой сильной руки!...

— Я имею вас приласить,—говорит он, подавая ей руку.

Где она встретились? Она ни разу не видала его прежде. Только недавно, на каком то балу, она сделала удивительнейшее открытие. Она узнала в нем того человека, портрет которого все газеты Рима воспроизвели на своих страницах.

Анжелика даже точно помнила ту женщину, которая была сделана буквально всеми газетами. Вот она:

„Путешествуя по Европе, Его Высочество Сиамский принц Марк Мир-Джафар некогда прибыл в Италию. Продолжительное время принц провел в Англии и, по имеющимся у нас сведениям, намерен надолго посетить Рим.

Положительно никто, кроме нее, не узнал принца. Но и она решила хранить в глубокой тайне свое открытие. Правда, вначале ей очень хотелось высказать свою догадку ему самому, но принц не дал ей договорить:

— Ах, прошу вас, — сказал он: — больше ни одно слово не имею хотеть о себе...

Ангелике особенно нравились очаровательный английский выговор принца. Впрочем, у него было много и других привлекательных черт, за исключением разве таких мелочей, как незнание некоторых тонкостей светского обращения.

Но в этом не было ничего удивительного: сиамский принц свободно мог не знать европейской культуры и кельзя было требовать от него знания европейского общества.

Он прошел в сад и сел там на мраморную скамью вблизи бассейна. В сонном озере ярко отражались огни фейерверка и тихие лебеди при ярких вспышках пугливо поднимали головы.

— Какой вы, итальянский женщина, прекрасный, — говорил принц, слабо покачиваясь в такт словам.

А она смотрела на него влюбленными глазами и тихо смеялась.

Вдруг какая-то фигура проскользнула мимо них и скрылась во мраке аллеи.

— Кто это есть? — спросил принц, близко наклонясь в сторону Ангелики.

— Не знаю, но, кажется, это один из членов ордена...

— Вы говорите ордена? Какой есть это орден?

— Право, не знаю, как его называть. Но что этот человек из ордена, так я догадываюсь по значку. Вы видели эти значки, принц?

— Никогда...

— Это изображение черепа и мечей — символ ордена, в который входит почти все из нашего общества.

— Ви тоже входит в этот орден? — улыбнулся принц.

— О, нет. В Италии женщина нашего круга не должна входить ни в одну политическую организацию.

— Зато такой женщина, как вы, имеет прекрасный глаза. Ради ваших прекрасных глаза можно пожертвовать всякий ордена, — горячо подхватил принц.

Ангелика звонко засмеялась и встала, чтобы идти. Но в этот момент что-то зашуршало в кустах. Принц одним прыжком очутился на том месте, где слышали шорох. Но там уж никого не было.

— Кто-то за вами следит, — испуганно прошептала Ангелика.

— О, вы должны быть спокойны, — сказал принц. — Негодяй не мог быть близко...

Они возвратились в зал, где несколько блестящих пар скользили по паркету под опьяняющие звуки флейты.

— Я хочу с вами танцевать принц, — тихо произнесла Ангелика, всю тяжестью тела опираясь ему на руку.

— Я не знаю танца вашей родины, — вздохнул принц.

Ангелика посмотрела на него удивленными глазами и хотела что-то сказать. Но в ту же минуту она увидела отца и пошла ему навстречу.

— Кто это с тобой, милая? — спросил ее старый граф.

Ангелика ничего не скрывала от отца и поэтому просто сказала ему:

— Это сиамский принц, папа. Он желает сохранить навсегда и поэтому, надеюсь, ты никому не выдашь его тайны.

— Ну, разумеется, милая, — успокоил ее граф.

А принц, облокотившись в темной нише окна, скрытый от взоров широ-

кими ветвями пальм, сидел за мелькающими масками, которые не замечали его в полумраке ветвей.

Но вдруг темная фигура выросла перед ним и посмотрела в упор на его грудь. Странное дело! На груди принца сиял тот самый значек черепа с мечами, который Анжелика видела на одном из членов ордена в саду.

Завтра, в 12, в Квиринальском дворце,— сказал незнакомец принцу.

И когда тот так же незаметно пропал, как и появился, принц не ромко, но на совершенно чистом тосканском жареччи произнес:

— Ах, черт возьми, ведь, кажется, рыба сама идет в сеть...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тихо спустилась знойная южная ночь. Воздух был напоен пряным запахом миндаля и вербены.

А в полутемном зале Квиринальского дворца, где в эту ночь назначалось экстренное заседание Совета Пяти было душно до тошноты. Все наиболее видные члены ордена при были во дворец к уставовленному сроку.

Взвывая раз, когда назначалось заседание Совета ордена, члены его принимали все меры предосторожности, чтобы попасть в Белый зал, не привлекая внимания неп священным.

Очень редко автомобили и фиакры обтаивались в этом месте, а люди предпочитали ходить пешком.

Граф д'Аннуцио и Марк Мир Джа фар прибыли одними из последних. Они скрожно заняли места в последних рядах, на чем особенно настаивал принц. Граф сделал вид, что никого принца остается для него в

секрете и поэтому называл принца только по имени.

Члены ордена молча занимали места, ожидая появления президента. В самом конце зала, за большим столом под черным сукном стояло высокое кресло президента. Над креслом висели портрет короля и эмблема ордена—завоображенне мертвой голы с мечами.

Свет ледяи из единственной люстры, приснущенной над столом, отчего во всем зале царил глубокий полумрак. Люди старались говорить полупрошотом, не покидая своих мест и повременам наблюдая за входной дверью.

Вдруг в зале воцарилась мертвая тишина. Кто-то встал и громко произнес:

— Синьоры! Великий президент среди нас...

Все с шумом поднялись и молча приветствовали свободным поднятием рук появление нового человека.

В его фигуре не было ничего выдающегося. Только огромный лоснящийся лоб и слегка вздернутая верхняя губа говорили о суровой воле этого человека. Он, слегка подпрыгивая, поднялся на трибуну и обвел всех присутствующих пытливым взором.

Никто и никогда не видел лица президента. На заседаниях ордена этот человек появлялся только в маске и диктовал всем овою волю, не допуская решительно никаких возражений.

— Синьоры!

Голос его был звонок, с тем трагическим оттенком, от которого передается дрожь всей аудитории.

— Синьоры! Позор для нас и вечный пам укор, что свиньи, подобные Матеотти, живут среди нас и могут открыто выступать в парламенте и на собраниях.

...Король и вся страна не успокоятся, пока мерзкие морды коммунистов и социалистов, изуродованные пыткой, не будут смотреть на нас сквозь петлю виселицы...

Весь зал дрогнул и из груди людей вырвался крик:

— Смерть им! Смерть этим негодьям!

— Я рад, что первая наша чистка принесла плоды и первым—голову парламентского негодяя Матеоти. Но „чистка“ только началась и надо дать огню еще немного похозяйничать во всей Италии, чтобы истребить все плевеи социализма.

..Я не успокоюсь, пока все коммунисты не будут перерезаны. Надо опуститься по колено в кровь жидов и их прислужников и изготовить из них гуляш.

Президент на минуту остановился. Слышно было, как горячо дышали люди в полумраке, жадно жаждущие крови.

— Синьоры!—снова раздался голос президента. Шайка непроходимых дураков из трибунала провалила подготовленный правительством процесс тридцати двух главарей компартии. Дураки наказаны, а негодии пользуются жизнью и продолжают ковать меч против короля и правительства. Наш орден должен доделывать то, что не смогли сделать дураки из трибунала.

И президент сделал один из тех жестов, от которых стынет в жилах кровь.

— Смерть коммунистам!—завревели десятки голосов.

— Смерть коммунистам!—подхватил весь зал.

— Вот список тех негодяев, синьоры, головы которых должны будут пасть от руки исполнителей ордена.

И президент взял из рук секретаря поданный ему лист свернутой бу-

маги. Пробежав его глазами, он сказал:

— Этот список недостаточно полон, синьоры! Благодаря процессу нам удалось обнаружить нати поч и всех коммунистических организаций столицы и провинция. Но на сегодня, думаю, вполне достаточно будет одного этого списка. Первым тут отмечен Дорца Это главарь негодяев, синьоры, и ему не может быть пощады. Я голосую!

В зале воцарилась мерзкая тишина.

— Поднимите руки, загремел голос президента,—кто за смерть?

И ни одна рука не дрогнула, вынося смертный приговор. Все руки были подняты.

— Следующий! — опять загремел председатель...

Но тут произошло замешательство. Вначале засеивались задние ряды, а потом кто-то крикнул пронзительным голосом:

— Синьоры! Среди нас есть коммунист. Под маской принца сюда проник Дорца...

Это сообщение произвело впечатление разорвавшейся бомбы. В испепелении, а те, что были потрусивее, уж собирались было лезть под кресла. Президент поблелел и замер на полслове.

Граф д'Анцино, у которого от страха екнула сел зенка, вдруг полетел виз головой. Спавский принц ударом пети сшиб его с ног и бросился к двери. Когда всеобщий столбняк прошел, „принц“ был у дверей.

Но бедный малыш не рассчитал и попал как раз в противоположные выходы двери. Вся масса людей бросилась вслед за ним.

Дорца со всего размаха распахнул двери и вылетел в корридор. Очутившись сразу же в незнакомой обстановке, он понял, что попал не

туда, куда следовало бы. Но возвращаться было невозможно. За ним по пятам гналась целая свора синьоров, падавших от непривычного бега и мешавших друг другу преследовать беглеца.

Дорца добежал до какой-то лестницы. Первой мыслью было — выскочить в окно. Но он вспомнил, что находится в четвертом этаже и ринуться вниз такой высоты было бы безумием.

Поэтому он, не задумываясь, бросился вверх по лестнице. Задышавшись и падая, он, наконец, достиг ее верхней площадки. По тому особому вною и запаху пыли, которые свойственны всем чердакам, он понял, где находится.

Несколько наиболее проворных синьоров поднимались вслед за ним. Схватка с ними была бы неравной и Дорца бросил мысль о вооруженной защите, решая искать скорее выхода с чердака...

Не прошло и нескольких минут, как синьоры были уже на чердаке. С фонарями в руках они принялись за поиски беглеца. Но его не было на чердаке. Не было его и на крыше, хотя синьоры старательно обшарили все закоулки.

Только как-то странно гудели телеграфные провода, протянутые от фронтона к фронту, а ночь была тиха и в воздухе разливался пранный запах миндаля и вербены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тетушка Маддалена всплеснула руками, увидев Дорцу, когда тот поздно ночью вернулся в Транстевере.

— Вас побияли, Моралито? — испугалась она.

— А, пустяки, тетушка Маддалена!

на! — весело воскликнул Дорца. — Это только результат одного необычного путешествия...

И он рассказывал ей о своем посещении совета „Ордена Пяти“.

Спасаясь от преследования, Дорца с чердака вылез на крышу. Спуск с четвертого этажа по водосточной трубе, как оказалось ему вначале, был единственным путем для отступления. Но спуск был сопряжен с большим риском и Дорца не решился сразу им воспользоваться.

Куда безопаснее было бы перебраться на соседнюю крышу! Но соседний дом был отрезан глубокой пропастью и, только миновав ее, Дорца мог выбраться за пределы досягаемости.

И вдруг счастливая мысль осенила его голову. От фронтона к фронту был протянут целый ряд телеграфных проводов. Дорца, не задумываясь, бросился к ним и встал между ними так, чтобы, поддерживаясь на руках, можно было одновременно скользнуть на башмаках по проволоке.

Провода свободно выдерживали тяжесть его тела и Дорца, таким образом, скоро достиг противоположного дома, отделавшись небольшими ушибами.

Фашасты, не подозревая, каким путем Дорца ускользнул у них из рук, принялись искать его по всему чердаку и только по гудению проводов, наконец, догадались о действительном положении вещей.

Но преимущество все-таки оказалось на стороне Дорцы: он выиграл время и благополучно выбрался из района Квиренальского дворца.

— Я ужою от вас, тетушка Маддалена, — неожиданно провознес Дорца.

— Вы уходите? — удивилась тетушка Маддалена. — Куда и зачем, Моралито?

— Я точно и сам не знаю—куда. Только оставаться в Риме нельзя и на время приходится покинуть город.

Маддалена хорошо знала, какая опасность угрожала ему и поэтому совсем не собиралась отговаривать его от принятого решения. Знала она также, что этот человек не ради самосохранения хочет на время скрыться в города.

Поэтому она сказала ему:

— Идите, но возвращайтесь, Моралито! Без вас очень плохо будет всем вам.

— Я уйду сейчас, тетущка Маддалена,— заторопился он. — Как вы думаете, за ночь я доберусь до гор?

— Если вы победите на Тиволи, так это совсем близко. Но знаете ли вы дорогу, Моралито?

— О, не беспокойтесь, тетущка Маддалена,— уверенно произнес Дорца.— Я не раз бывал в Тиволи и не собьюсь с пути. Только я попрошу вас об одном...

— О чем, Моралито?

— Попросите Антонио, чтобы он передал несколько слов Энни Ньюди. Хорошо бы это сделать сегодня же...

— Антонио спит в мансарде,— сказала Маддалена. — Обождите, я его позову сюда.

И тетущка Маддалена пошла будить Антонио.

Дорца сел к столу и набросал несколько слов Ньюди:

„Нам угрожает новая опасность, Энни. Я уйду в Сабинны. Уговори товарищей на время скрыться из города. Тебя, Грамши, Лемби и Монги буду ждать в полдень у таверны „Кривой Джиннич“ по дороге в Тиволи. Подробностей расскажу потом.

Моралито Д.“

Вскоре вернулась и тетущка Маддалена, а следом за ней пришел Антонио.

Это был подросток, живой и находчивый, горячо привязанный к своему старшему товарищу.

— Вот тебе записка, Антонио,— сказал Дорца.— Ты знаешь Энни?

— Того, что работал у нас, в каменоломне?

— Ну-да... Сбегай к нему и передай эту записку. Но смотри, не наскочи на кого-нибудь из фашистов. Тогда ты испортишь все дело.

— О, будьте покойны, Моралито,— живо воскликнул Антонио.

— Ну, а теперь прощай, дружок! Моралито на время уходит от вас...

Дорца расцеловался с Антонио и, крепко пожав руку тетущке Маддалене, взялся за ручку двери.

— Я думаю, что мы скоро увидимся снова,— уже весело крикнул он в дверях, и затем его огромная фигура потонула во мраке улицы.

Когда Антонио вернулся домой от Ньюди, Дорца был уже далеко. Он бодро шагал по направлению в Тиволи, который отстоял от Рима километрах в двадцати пяти.

Добраться до Сабинских гор было делом не совсем легким. Дорца хорошо знал, что за Тиволи был выставлен патруль, задерживавший всех, направлявшихся в горы. Но он рассчитывал прибраться туда, как только встретится с товарищами у таверны и расскажет им о своем намерении на время покинуть Рим и скрыться в Романьи.

Романья была теперь единственным оплотом коммунистической партии, которая насчитывала здесь до 120 прочно организованных секций.

— Фашисты не решатся позавить здесь,— раздумывал Дорца, шагая по дороге к Тиволи.

Коммунисты Романьи сплели вокруг себя до 70 тысяч рабочих, которые в любое время могли оказать сопротивление наступлению фашистов.

Дорца к утру добрался до таверны. Он выдал себя за каменолома, возвращающегося с заработков в деревню, и, присев за стол у сына, стал поджидать товарищей.

В таверне, кроме крестьян из окрестных деревень, никого не было и Дорца спокойно просидел до тех пор, пока не заметал приближающегося к таверне Эппи Ньюди.

— А где остальные, Эччи? — было первым вопросом Дорцы, когда тот появился в таверне.

Ньюди подошел к нему и тяжело опустился рядом на скамью.

— Дьявольская жарница! — громко сказал он и, подмигнув, добавил: — Как бы к вечеру не собралась гроза.

— Почему ты один? — тихо спросил Дорца.

— Из предосторожности я пошел вперед, а через полчаса будут и остальные. Но что случилось, Моралитто?

— Особенного ничего. Только в Риме оставаться нам нельзя. Пахнет кровью, дружок...

— Пахнет кровью?!

— Вот ты смеялся, когда я сказал, что доберусь до „них“. И, представь мне это удалась.

— Как? Ты промяк к ним на заседание?

— Не только промяк, но и узнал кое-что.

— Что же ты мог узнать?

— Немного, о достаточно для того, чтобы спасти вас и себя от готовившейся расправы. Не уйдешь сегодня мы из Рима, кто знает, остались ли бы мы в живых... А, главное, — едва слышно произнес Дорца, — в президенте ордена, если только не ошибаюсь, я узнал...

Но вдруг он умолк. В раскрытые двери таверны вервался гомон людских голосов и заглушенный треск приближающегося мотора.

Затем этот треск был услышан где-то совсем рядом и сразу оборвался.

Дорца выглянул в окно и побледнел.

— Черноблужники! — сказал он едва внятно. — Боюсь, что нас узнают.

— Пожалуй, это будет худо, — согласился Ньюди.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ватага черноблужников с дубинками шумно ворвалась в таверну. По-гоховно все они были пьяны и с трудом держались на ногах. Шефер, которому больше, чем другим, следовало бы позаботиться о сохранении равновесия, нова добрался до стола, перевернул всю мебель по пути. Он намеревался сесть на табурет, но не по ая и сел с размаху на пол. Вся ватага безудержно громко расхохоталась.

— Эй, водестоцума! — крикнул один из черноблужников. — Давай сюда кьявва и яччинца, а не-то из твоей туши мы сами приговорим автрекоты.

Пьяная компания снова дружно заговорила.

— А забавно, синьоры, когда хоршее ясно попадет на нож. Особенно люблю окрошку из „красного“ мяса, как я, синьоры, делаю с пренебрежительнейшим моим удовольствием. Не даром же, черт возьми, отец мой десять лет был королевским поваром.

— Ха ха... Вы слышали, кавую чушь несет этот жеребец? Отец у него был поваром! А я доподлинно знаю, что его отец работал на скальора Ривальдини.

Ривальдини был известный прежде в Риме балач с площади Навона и сылка на него, повидимому, была намеком на одну из профессий, связанных с его работой.

— Но это все не важно, в конце концов. Важно, что в ты, Франческо, поработал сегодня ничем не хуже любого Ринальдини.

— А разветы не сделал бы того же, Альдо? Я никому не позволю поносить правительство, а прежде всего не прощу этого чумазын...

— Совсем не нужно было разрушать машин. А ты ведь разорил козину. Не правда ли, ойнборн?

— Зато и эти дураки—значит останутся без работы,—заметил Франческо.

Он никак не хотел сознаться, что сделал ошлошность.

— Забавно, какую кислую рожу сделал Козолетто, когда вот Альдо в'ехал ему дубиной в крепкий затылок.

— Ну, насчет крепости затылка ты как раз соерал, Франческо. Затылок у несчастного, наоборот, оказался не крепче глиняного горшка и разлетелся вдрызг с одного удара. Подлец испертил мне костюм своим бараньим мозгом.

Каждый из них считал своим долгом поделиться впечатлениями с товарищами. Они не обращали никакого внимания на то, что их жадно слушали окружающие.

Сегодня ночью эти молодцы напали на малевькую фабрику „Пиаэтта-мида“, разрушили машины и разгромили квартиру секретаря коммуналного управления Джано. По дороге они встретили рабочего Козолетто и дубиной раскроили череп бедняге.

— А посмотри, Альдо, — вдруг сказал Франческо, слегка толкнув в бок товарища. — Не видал ли ты вен того молодца, что сидит в углу за портьерой?

И Франческо кивнул головой в сторону Дорцы.

— Клянусь землей, нечего не вижу,—тихо ответил тот.

— Эта рожа мне показалась знакомой, но убей, не вспомню, где я встречал этого молодца. Ва!.. Ты был на процессе краевых?

— Был ли я? Ты спросил бы лучше, где я не был...

— Так вот, припомни, не видал ли этой рожа тогда на суде?

— Среди подсудимых?

— Э-гы...

— Клянусь землей, я его знаю,— вдруг рявкнул Альдо.

— Кого... кого знаешь?—загудели пьяные голоса.

Альдо с шумом поднялся и, отбросив в сторону табурет, поднял дубину.

— А вот того молодца, что теперь, как сыч, уставился на нас. А—ну, ребята, встань кой-кто к двери а я его поставлю на дыбы...

И Альдо, потрясая дубинкой в воздухе, ринулся на Дорцу. Но и Дорца не растерялся: он взмахом руки опрокинул стол и, схватив табурет, бросил его в лицо черноблзнику.

Альдо, взмахнув руками, повалился, как свин, на пол. Пьяная ватага завывала. Черноблзника было всем гурьом ринулись на Дорцу, но тот успел поднять обретенную Альдо дубинку и огрел ею одного из наступавших. Толпа сразу же подалась назад.

Альдо поднялся с полу и снова было бросился на Дорцу, но тот, ловко увернувшись от удара, рванул дубинкой Альдо по спине.

Альдо ввыл от боли и злобы.

— Я покажу тебе, негодяй, как драхься,—зрелел он, стараясь достать из за пояса револьвер.

Верба могла принять скверный оборот и Дорца решил обезоружить Альдо. Не выжывая из рук дубинки, он бросился на врага и моментально подмял его под себя. Но сзади на

него сейчас же навалилось трое черноблuzников. Они хотели спалить его с товарища а потом избить, чтобы как вбудь случайно не задеть дубинами Альдо.

Однако, на помощь Дорца пришел Ньюди, который до этого старался держаться в стороне, рассчитывая, что его не узнают и поэтому вряд ли кто из черноблuzников осмелится тронуть.

Он вылетел на них как раз с той стороны, с которой те меньше всего ожидали нападения. Дорца вырвался из рук противников и ошарянул к стене, решив держаться вблизи Ньюди.

Ньюди был совершенно безоружным а единственное, что он мог придумать это повалить стол и сделать из него слабое прикрытие.

Вдруг раздался выстрел и комната наполнилась пороховым дымом. На счастье, пуля, выпущенная одним из черноблuzников, не задела ни Дорца, ни Ньюди.

И все-равно бы им не сдобровать, если бы во-время Лемби и Грамши не подоспели к таверне. С ними пришел и Мовти, но заметив автомобиль, он, как любитель этого вида спорта, захотел узнать, кому принадлежит машина, и поэтому задержался на дороге.

Лемби, заглянув в окно в улицы, появив, что в таверне творится что-то неладное. Вместе с Грамши они ворвались в таверну и увидели, что черноблuzники осаждают их товарищей.

— Назад, негодня! — громовым голосом крикнул Лемби.

— Назад!...

Черноблuzники опешили и подались назад. Никто из них не ожидал этого вмешательства со стороны.

Замешательством воспользовались осаждаемые и через мгновение они были у дверей.

Монги осматривая автомобиль слышал выстрел в таверне и подумал, что, в случае опасности, он мог бы уехать на нем. Поэтому, не особенно раздумывая на тот счет, кому принадлежит машина, он завел мотор и как раз в это время заметил выбежавших из таверны товарищей.

— Сюда, сюда товарищи! — кричал он, стараясь покрыть шум и рев, который подняли черноблuzники.

И когда те выбежали на дорогу, автомобиль рванулся с места и скрылся из глаз.

Альдо сообразил, что беглецы, выехав на Тиволи, неизбежно должны наткнуться на пост карабинеров и если он туда сообщит, то их задержат.

Он бросился в таверну и через несколько мгновений кричал в трубку телефона:

— Алло... Камезный м.ст... Это сержант? Группа государственных преступников бежала на автомобиле... Задержите и арестуйте... Вы получите вознаграждение... Что?... Номер авто?..

Но Альдо забыл номер автомобиля.

— Алло?... Кажется, 1965 — А.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Километрах в пяти от Тиволи, где качаются отроги известковых гор, есть старый каменный мост, местами полуразрушенный водой и ветрами.

Тут выставлен патруль и два зореннейших карабинера мерно шагают взад и вперед. Иногда их окрики пугают запоздалых пешеходов, а днем мимо проходит смена и меняет часовых.

Но сегодня совсем неожиданно появился сержант и, подозревая в себе карабинера, сказал ему, жмурясь от ослепительного солнца:

Ха-арошай, братец, погоды!

— О, да, сивьор. Совсем неко-
лодно теперь по ночам.

— Ваша смева будет не скоро, —
продолжал сержант, — но на сегодня
высылается усиленный наряд, а вста-
ти вот возьмите себе на заметку: ав-
то № 1365-А. Ты понажась толк
в машинах, братец?

Откровенно говоря, бедный малый
ничего не понял из того, что сказал
сержант, но сделал вид, как будто
бы он не расслышал его хорошенько:

— Вы говорите о машине, сивьор?
Какая это машина?

— Авто № 1365 — А любезный.
Ты лучше заведи этот номер.

— Слушаюсь..

Карабинер достал из за пазухи
служебный блок нот и карандаш

— В случае, если этот номер бу-
дет проезжать здесь, задержи и из-
вести меня. А о дальнейшем я по-
забочусь сам, милейший.

— Слушаюсь, сивьор!

Сержант был прав. Вскоре после
этого к ним, действительно, подошел
отряд карабинеров. В пятих пяде-
сяти от моста, за выступом скалы
эти люди сделали припах.

Часовые на мосту изо-всех сил
напрягали слух, чтобы не прозевать
треск приближающегося мотора или
звук сирены из за поворота. Но в
ущельи все было спокойно и только
глубоко внизу решел поток, дробясь
о камни и поднимая тучи белой
пыли.

Трудно сказать, сколько бы еще
люди прождали так, если бы не при-
шел сержант и не разрешил поста-
вить в возы карбины.

Но и этот отдых был недолог.
Вскоре издадека слышался скрип
приближающейся фуры.

Тощей ослик, мучительно надры-
ваясь, волок по дороге высочайший
воз сена, а рядом с ним шагала та-

кая же тощая кресельняк, изо всех
сил охаживаяшач по бокам бедное
животное.

— Эй, ты, старая ведьма, брик-
нул один из карабинеров. — Полегче
работай влуг м! Разве не видишь,
что осел готов подохнуть?!

— О, мочесивьор, — заголосила ста-
руха. — Глупое животное совсем от-
кажывается работать без влуга. Вот
если бы вы помогли мне поддеть фу-
ру на мост..

Но в это время за поворотом вдруг
пронзительно заревела сирена. Кара-
бинеры замерли на месте, а часовые
преградили дорогу.

Из за скалы вынырнул блестящий
кузов автомобиля под красным фла-
гом.

Как только автомобиль поравнялся с
мостом, его остановили и оценили
со всех сторон. Из толпы вышел сер-
жант и сказал шоферу:

— А ну, дружище, снима-ка па-
живей красную тряпку, да смотри,
не рассуждай. Сержант Россия не
любит против речий..

Что любит или не любит сер-
жант Россия, — это для меня ничего
не значит — сказал невозмутимо шо-
фер. — Только флаг с автомобиля не
будет снят.

— Как не будет снят? — взвизг-
нул сержант. — Вы слышали, что ска-
зал этот молодец? Я — сержант коро-
левск й милиции и требую от вас
повиновения. А ну, ребята, заглячи-
те-ка на вом р машины!..

— 1365 — А, — крикнул кто-то из
толпы.

Сержант захлебнулся от призава
радости.

— Ну, молодец, как раз твой
номер нам и нужен..

Он забежал вперед и сорвал крас-
ный флаг

— А теперь прещу прогуляться
вешком..

Но тут вмешался один из пассажиров, сидевших за спиной шофера. Он был, по видимому, иностранец и говорил на плохом итальянском языке.

— Что изволит вы спрашивать?— обратился он к сержанту.

Его коренастая фигура приблизилась почти вплотную, и сержант на миг увидел, как ярко вдруг вспыхнули глаза этого маленького человека.

— Кто вы и по какому приказанию имеете требовать непонятный протестный?— продолжал сердито иностранец.

— Да будет известно сеньору,— сказал сержант,— что я Россиян, сержант королевской милиции и объявляю вас арестованными?

Карabinieri еще плотнее сомкнулись вокруг сержанта.

— Вы не имеете такой наглости,— воскликнул иностранец,— когда наша миссия имеет экстерриториальное право.

— Не волнуйтесь сеньор,— оборвал его сержант.— Мне нет дела до ваших миссий. Я знаю одно, что вы коммунисты и мне приказано вас задержать, чтобы под конвоем отправить в Рим.

— О, мы— коммунисты, это ваша правда. Что мы коммунисты— это знает весь свет. Но вы... вы как имеете наглость арестовать советский посланец? Я русский посол— Юренев.

Эти слова, как гром, поразили сержанта. Carabinieri от удивления разбежались рты.

Перед ними, действительно, стоял советский поэт, возмущенный до глубины души неслыханной дерзостью, на которую осмелились агенты фашистской полиции.

Он круто повернулся за каблуках и пошел к автомобилю, а сержант больше не осмелился его задерживать.

— Я имею знать вашу фамилию,— сказал посол, садясь в автомобиль— и сегодня буду иметь звание министра иностранных дел вашу дерзость.

Шофер круто повернул и дал полный ход машине. Автомобиль вздрогнул и ринулся вперед, обдав сержанта запахом бензина.

Давно пропал из виду автомобиль, а carabinieri все еще стояли на дороге, широко разинув рты.

Они совершенно забыли о крестьянке, которая теперь была по ту сторону моста и, усердно работала кнутом, погоняя левиного ослика.

А сеньоры многое потеряли от того, что не уделали достаточного внимания фура с сеном.

Как только фура отъехала на приличное расстояние, вся масса сена, словно под напором ветра, зашевелилась и в разных местах вынырнули дохматые головы.

— А посмотри как, Монти.— вдруг сказал один из них.— Эги молодцы никак действительно влияли в историю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дорпа с товарищами твердо решили уехать на время в Романью. Эта цветущая провинция была единственно безопасным местом для них. Рабочие Романья решительно отставляли свои организации и на один черноблузник, как думал Дорпа, не решится показаться здесь.

Беглецы, благополучно добравшись до Терни, намеревались сесть на поезд и доехать таким путем до цели.

К счастью или несчастью, в Терни они застали только один поезд отправлявшийся на Анкону. Это был товарный поезд со щебнем и макутом, и путешествие на нем не очень улыбалось беглецам.

Однако, Дорца убедил товарищей, что в товарном поезде они меньше всего рискуют попасть на глаза фашистам и, таким образом, свободно доберутся до Анконы, а там, пересеив на пассажирский поезд, выедут в Форли.

Они разыскали наиболее удобную для себя платформу и залегли среди разбросанных куч щебня, все еще опасаясь, что их могут обнаружить чернoblузники.

Ровно ночь они тряслись на камнях, обильно поливаемые дождем. Ветер со свистом трепал на них волосы и одежду и, казалось, — того же гледи, сорвет их с платформы и сбросит под откос. Огня станций и семафоров прояснились перед глазами, тучно в бешеном калейдоскопе.

Только после тревожной и бессонной проведенной ночи Дорца с товарищами добрались до Анконы и вздохнули, наконец, с облегчением.

— Вот мы и дома. — весело воскликнул Дорца, когда переизчавшие и измученные они спустились с платформы.

Но Дорца ошибся. Внезапно, не доезжая до Римини, пассажирский поезд был остановлен.

Несколько дюжих чернoblузников, вооруженные с ног до головы, воцарились в вагон и объявили отсутствию их кучке пассажиров, что поезд дальше не пойдет.

Пассажиры заводновались, не зная, что делать. Была глубокая ночь, душная и безглаголая, какие бывают только на юге.

— Синьоры могут выходить здесь, — громко сказал один из чернoblузников.

Он был, по видимому, старшим и держал себя развязно, вышвыщая...

— Кому угодно, те могут обождать, пока мы не переведем всех коммунистов в Римини, — вдруг вынул

он. — А в случае, если у кого шалят первы, те могут вернуться в Анкону... Этот поезд, синьоры, возвращается в Анкону. Да!.. В Римини дорога вет, синьоры...

И он, громко прищелкнув языком, издал один из тех звуков, которые похожи не-то па вкочу, не-то на застрявшее в гортани слово. И он, и его товарищи, по видимому, были пьяны, так как за несколько шагов от них несло тяжелым перегаром вина и рыбы.

— Я еду в Милан, а вы, синьор, посылаете меня обратно в Анкону, — сказал кто-то из толпы. — Кому же мы обязаны таким обстоятельством?

Тот самый чернoblузник, которого окружающие приняли за старшего, вдруг грузно сел на скамью и сказал заплетаясь языком:

— Хо-хо... вы обязаны, разумеется, не мне, почтеннейший... Ну кто мог думать, что коммунисты будут так упрямо отбиваться от нас... Тыфу, черт возьми! Вечно дурацкие слова лезут на язык, синьоры... Я хотел сказать, что „красная“ гадина, которая сидит теперь в Римини, не хочет сдаваться честь-честью. Но, клянусь богом, мы ее выкурим из города.

Дорца и его товарищи, вначале ничего не понимавшие из того, что говорил словоохотливый чернoblузник, теперь невольно потянулись к разговору. Дорца даже как-будто обрадовался тому, что благоприятный случай дает ему возможность вывемотать из этого молодца кое-какие секреты.

— И вы, синьор, надеетесь скоро выкурить их из города? — сказал он, не покидая темного угла, где он сидел с товарищами.

— Хо-хо... и солнце не успеет добраться до заката, как мы доберемся до них... Бррр!.. Не буду я

сыном отечества, если моя дубина не сломается о первую голову, понавшую мне в лапы О, я потешу... пр-распотешу Ромашью, сивьоры!

— А если у них достаточно людей и оружие для того, чтобы держаться в городе без конца. Ведь этак, пожалуй, затянется вся эта история и мы не сумеем скоро понасть в Риминь,—не увижится Дорца.

— Я не люблю бросать слов на ветер, сивьор,—продолжал чернoblузник.—Республиканцы и социал-демократы заключали было позорную сделку с красной бестией, чтобы работать против нас. Но к счастью, они скоро поняли, что работают на руку Москве, и оставили коммунистов одних. А для этой сволочи мы патронов не станем жадеть... Не станем жадеть, сивьоры!..

— Прошу, сивьор, уберите поскорее ваши ноги, — вдруг раздался чей-то женский голос.

— А разве вам мешают мои ноги?—широко осклабился чернoblузник.

— Скажите пожалуйста, мешают ли?.. Ведь вы ножницами своими лезете под юбку...

Чернoblузники дружно загоготали.

— Ай, баба!—крикнул вдруг один из них.—Видать сразу, что у нее огня хватало-бы за целый батальон..

— А вот мы это сейчас узнаем,—сказал тот, что разговаривал с Дорцей.—А ну Луиджа, двай ее сюда!..

Чернoblузник грубо схватил отбегавшую женщину поперек тела и потянул к выходу. Несколько человек из пассажиров стали было упрашивать его товарищей не трогать несчастную женщину, но те выхватили револьверы. Женщина испустила раздирающий душу вопль.

В толпе слышались нагудящие голоса.

— Негодяи, отпустите эту женщину!

— Что вы делаете, срамники? Она беременная.

— Мы вас не выпустим... Остановитесь!

Но чернoblузник, державший в руках жертву, лез на пролом, стараясь протиснуться к выходу.

— Стой!—вдруг раздался чей-то голос, задыхающийся от бешенства.

Перед чернoblузником во весь гигантский рост стоял Дорца.

— Отпусти ее или я разможжу тебе череп, гадина!..

Тот было ошенил и подался назад. Но сзади его ободряли товарищи. По обоим сторонам стояла плотная стена людей, а проход был настолько узок, что при всем желанием стоявшие сзади не могли добраться к Дорце, чтобы устроить его с пути. Тогда они угрозами поублажили заславить его отказаться от вмешательства.

— Эй молодец! Если твоя маршан жизнь не подоела тебе, уноси ноги.

— А, ну, Луиджа, дай ка я разделаюсь с эгом молодцом..

При тех условиях, в каких происходила борьба Дорца мог бы устоять против десятка чернoblузников. Но внезапно эта борьба приняла обратный оборот. Луиджа, прикертый к открытому окну, вдруг поднял свою жертву и с размаху бросил ее в окно.

Весь вагон людей ахнул. Женщины пронзительно заголосили. А в следующую минуту чернoblузники набросались на Дорца. Тот, забывшись от чепухи, бросился вон из вагона. Чернoblузники выскочили за ним. Снаружи поднялась беспорядочная стрельба, сопровождаемая забавными криками преследователей.

Дорца мянулся в сторону от поезга. Задыхаясь и падая, он бжал

от преследовавших его фашистов, чувствуя, что ноги его вязнут все глубже и глубже в гравий и песок.

Пули, выпускаемые ему вслед, тонко жужжали где то совсем близко.

И вдруг ему в лицо пахнуло запахом водорослей и соленой влаги. Нога его потеряла опору и он пошел вниз с головокружительной быстротой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Капитан миновоски „Аффондаторе“ получал секретный приказ от адмирала.

Никто в команде не знал, что это был за приказ, но среди команды упорно поговаривали, что в течение ночи придется усиленно „поработать“.

„Аффондаторе“ вышел из Анконы, держа твердый курс на север. Но когда миновоска прошла миль пять и огни Анконы потонули во мраке, капитан резко изменил курс.

Теперь „Аффондаторе“ шел вблизи берегов, слушая огни. Капитан отдал приказ перевести судно на один винт, чтобы не производить шума.

— Чудит наш старик, — недоумевала матросы.

За Пезаро побережье спало мертвым сном и судно снова было переведено на все три винта.

Капитан сидел в рубке, низко склонясь на карте. Вдруг широко распахнулась дверь, и в рубку влетел вахтенный офицер.

— Капитан, — сказал он взволнованным голосом, — преважните слушать шляпку. Человек в море.

Капитан раздраженно сплюнул и, бросив трубку, которую он неизменно сосал, сказал:

— Как это некстати, голубчик! Может быть мы рискуем пройти, сделав вид, что ничего не замечаем?

— О, нет, — заоголвоався офицер. — Вахтенный и юнга видели хорошо что у нас просят помощи...

— Ну, и что жет

— Эти негодяи завтра-же передадут товарищам, что мы нарушаем законы морского плавания и..

— Ну, делайте, как знаете, пересбих его капитан и снова склонился над картой.

Почаса спусти высланная с экспедицией шляпка вернулась обратно. На палубу был поднят человек, еле державшийся на ногах и трясающийся, словно в лигорядке.

Его поместили в матросский кубрик и несколько дюжих малых приглясь оттирать беднягу, слегка подшучивая над ним.

— Купанье не из особенно приятных, — изволец бровговорил извлекаемый из воды. Он энергично потянулся, как бы стряхивая с себя усталость, а потом вскочил и, протянув руку одному из матросов, весело сказал:

— А теперь, товарищи, дайте мне возможность благ дариво пожать вам руки...

Между ним и матросами сразу же установилась какая то теплая, тесная дружба.

Он назвал себя рыбаком и рассказал, что, выйдя в море на фелюге, неосторожно поскользнулся и утонул за борт. Он никак не мог потом снова взобраться на фелюгу и течением был отнесен в сторону.

Не попадись на счастье шляпка с миновосца, кто знает, увидел ли бы он снова свою добрую жену и рыбацкое поморье.

Рассказ был весьма правдоподобен, и никто не подозревал, какая драма только перед этим разыгралась на берегу.

Догца, полетев вниз, неожиданно для самого себя шагнула в воду.

Оказалось, что по горячности, а может быть и из-за темноты, он не заметил, что подбежал к обрыву. Черноблузники преследуя его по пятам, остановились, как вкопанные на самом краю, продолжая стрелять в сторону его падения. Но ни одна пуля не задела беглеца, и он отплыл в открытое море, опасаясь, как бы преследователи не настигли его в лодке.

Матросы слушали рассказ рыбака до тех пор, пока по всему миносскому не послышались сигнальные звонки.

— Нас вызывают на вахту,— сказал Дорце один из матросов.— Ты, голубчик, можешь устроиваться пока у нас, а утром мы доставим тебя на берег...

Дорце показалось подозрительным появление миновоски в этих местах, и он не мог удержаться от того, чтобы не выведать у матросов цель их экспедиции.

— Я бы хотел,— сказал он простепным тоном,— как-нибудь до рассвета выбраться отсюда. Боюсь, что дома будут беспокоиться за мое отсутствие.

— Ну, этого как раз мы и не можем сделать сейчас— сказал ему другой матрос.— Где то тут, говорят, поshawивают контрабандисты и, весьма вероятно, что эту ночь придется жарко поработать.

Матросы ушли, оставив его одного. В голове его мелькнула догадка, что правительство, поддерживая наступление фашистов на Романию, посылает эту миносскую в тыл осажденным в Рымани. Им внезапно овладело страстное желание во что бы то ни стало сорвать эту экспедицию.

Он хотел уже броситься вслед за матросами но в это время вдруг распахнулась дверь и в кубрик ворвался новый человек.

— Товарищ Дорца, как вы сюда попали?— зашептал он побледневшими губами.

— Кто вы, и почему вы меня знаете?— удивился Дорца.

— Я — матрос,— сказал он едва слышно.— И почему бы мне не знать вас, раз я сам коммунист.

Для Дорцы встретить на миновом коммуниста было большей вежливостью, чем то, что его узнали.

— О, это действительно пропагандированное судно!— уже весело сказал матрос, когда Дорца выразил ему свое удивление.— Нас, коммунистов, здесь добрая треть, если не вся половина. Я говорю, конечно, о всех, кто сочувствует нам.

Сердце Дорцы затрепетало от радости.

— Знаете ли вы цель вашей экспедиции? спросил он матроса.

— Цель экспедиции? Если не ошибаюсь, какиндан что-то говорил о контрабандистах. Но почему вы об этом спрашиваете?

— Никаких контрабандистов ни здесь, ни на сто миль кругом нет,— сказал Дорца.— Вас обманывают и посылают против осажденных в Рымани коммунистов.

Лицо матроса вначале стало бледным, а потом жарко вспыхнуло, и живые, немигающие глаза в упор уставились на Дорцу.

— Если вы мне поможете,— продолжал он— то может быть нам удастся предотвратить тяжелую драму и направить оружие против тех, кто этого действительно заслуживает...

— Я готов на все,— горячо подхватил его собеседник.

— От вас потребуется очень немного. Прежде всего вы должны будете провести меня туда, наверх, а сами между тем подготовите товарищей, чтобы наше вмешательство не было для них неожиданным. Как вы

думаете, команда не питает особых чувств к командирам.

— Наоборот, капитан и офицеры, за исключением Нанни Пьеро,—мерзавцы, каких мало...

— Кто этот Нанни-Пьеро?

— Он—мечмак. Но плавал в капитаном на торговых судах океанского типа.

— Тогда идем, чтобы не черять времени,—сказал Дорца

Они вышли из кубрика и бесшумно продвигаясь в темноте, добрались до винтовой лестницы, которая вела на палубу.

Сверху донесся говор многих людей, заглушаемый шумом машинного отделения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Поднявшись на палубу, Дорца с товарищем остановились под прикрытием каких-то ящиков, ряды которых тянулись вдоль капитанской рубки

— Что это за ящики?—высо спросил Дорца своего спутника.

— Тут свариды,—также тихо ответил ему матрос.

— Вот видите, — торжествующе заметил Дорца.—Это говорит за то, что я был прав.

Шагах в двадцать от них группа матросов, оживленно жестикулируя, с чем-то горячо спорила. Но времяем „соленые“ матросские словечки велись в торопливую речь и давали понять, что эти люди чем-то весьма обеспокоены и в решительности не знают, что делать.

Оставаясь под прикрытием, Дорца с товарищем слышали, как один из них особенно громко сказал:

— ...Старая себака влит и сврывает правду. О мне хорошо извест-

но, кого он называет контрабандистами.

— Это—Джузеппе, — весело сказал спутник Дорцы. — Я его сразу узнал по голосу. Но, кажется, и остальные из наших..

„Аффондаторе“, обогнув песчаную отмель, повернул на восток, и вскоре на горизонте вспыхнули мерцающие огни маяка.

— Надо торопиться, — произнес Дорца,—значе будет поздно.

Мгнотоска, действительно, быстро приближалась к Римини, где горсточка отважных коммунистов и рабочих стойко держалась вот уже третьи сутки против многочисленной армии наемников капитала.

Дорца подошел к группе матросов вплотную и тихо сказал:

— Я слышал ваш разговор, молодцы, и недоумеваю, о чем вы опрорвете?

— Нас хотят заставить стрелять, а мы ни слова не знаем о том, против кого должны направить свое оружие..

— У отечества один враг—коммунисты, а врагам отечества не должно быть пощады, — осторожно начал Дорца.

Но его тут же перебил один из матросов:

— Эй, смотри, молодец, пелегче насчет отечества!

— Да, да, попридержи язык,—подхватывали остальные.

— Я хотел только сказать,—продолжал Дорца, — что сегодня вам придется показать себя хорошими стрелками и выбить коммунистов из Римини.

— Разве коммунисты заняли Римини—спросило несколько человек сразу.

— Какое там заняли,—играл словами Дорца.—Просто-напросто наши молодцы хотят устроить хорошую ба-

лю чумазым, а коммунисты воору-
жили рабочих и не соглашаются еда-
ваться добром.

Дорца было хотел что-то сказать
еще, но здоровеннейшей удар сзади
свалил его с ног.

— Налдай, д-дай ему еще на за-
травку,—загудели все разом.—Этот
молодец викак большой приятель чер-
ноблужникам.

Несколько человек налегали было
на него снова, но Дорца моменталь-
но поднялся на ноги и сказал весе-
лым тоном:

— Спасибо, товарищи, за науку...

— Кушай на здоровье, да не да-
вись,—засмеялись матросы.

Но, когда они узнали, что перед
ними—коммунист Дорца,—удивлению
их не было границ. Люди как-то
сразу ступевались и приумоляе.
Дорца посетил их во все подробно-
сти налета фашистов и скоро убедил,
в какую авантюру вовлекает их пра-
вительство, посылая на расправу с
рабочими. Спустя четверть часа по-
чти вся команда мяноноски знала о
действительной цели экспедиции.

Веззанию судно водогуло и за-
медлило ход. На капитанском мости-
ке выросла фигура старого коман-
дира. Голос его был тверд и прика-
завая стрыввсты.

Вдруг вивт перестал работать и
судно остановилось совершенно. Не
дальше, как в трех милях, горели
яркие огни Рымкии и в совершенн
безмолвном порту качались на вол-
нах земные силуэты яликов.

— Наводчики по местам!—про-
звезел голос капитана.

Но. ви один из матросов не дви-
вудел с места.

— На-вод-чи-ки по ме-стам!—от-
чеканел командир.

Вся команда словно замрла в
оцепенении. Офицеры недоумевающе
переглянулись между собой. Это был

первый случай, когда матросы мяно-
носки осмеливались нарушить дисципли-
лину.

Капитан сорвался с мостика и
бросился на ближайшего из матро-
сов.

— Если вы немедленно не выпол-
ните мой приказ, я разможу вам
головы,—заревел он.

В его руках блеснуло дуло ре-
вольвера.

— Мы отказываемся стрелять,—
заявил кто-то из команды.

— Кто отказывается? Выходи, кто
отказывается,—захрипел капитан.

— Мы все отказываемся,—под-
хватило несколько голосов.

— Ах, все?!—не-то изумленно,
не то опешив, воскликнул капитан.—
Но в чем дело, господа?

— Вы утверждали что судно идет
искать контрабандистов, а теперь за-
свываете нас стрелять по мирному
населению. Скажите тогда, в чем де-
ло, сивбор капитан?

— Молчать!—заревел один из
офицеров.—Если вам приказывают,
то не смейте рассуждать, мерзавцы!
Вы, капитан, совершенно зря мни-
дальничаете с этим скотом. Первый,
кто откажется исполнить приказ ко-
мандира,—обратился офицер опять к
команде, отчеканивая каждое слово,
—будет уложен на месте. Приказы-
вайте, капитан!

— Ну, что же, господа,—нерпши-
тельно начал капитан,—вы согласны
предчи-яться дисциплине?

— При таких условиях—нет.

— Ни за что...

— Мы не че;ноблужники не цвоя-
ный рлб...б...б...бы...

Слово застряло в гортле голубогла-
зого юнга. Офицер в сдин прыжок
обутился перед вым и в удар вы-
стрелил ему в лицо. Маленькое тело
мучительно екорчилось и повалилось
по палубе.

Из десятка грудей вырвался вопль. Толпа сжалась в черный комок и моментально подмяла под себя офицера и капитана. Второй офицер, оставшийся на капитанском мостике, куда то незаметно пропал.

— Бей убийцу!

— За борт его...

— В море!..

Толпа заметалась по валубе с горячностью обезумевшего вепря. Дорца вмешался было в толпу с целью помешать расправе, но его усилия потонули в потоке стремительных сил. В одно мгновение офицера, избитого до потери сознания, подволокли к перилам и, раскачан, выбросили за борт.

Но капитана все-таки удалось отстоять. Его связали и спустили в трюм, залоннув сверху люк.

Когда волнение улеглось и труп голубоглазого юнга был отнесен в кают-компанию, людей озадачивало сомнение, сумеют-ли хоть один из них управлять судном.

— А Навни Пьеро?! — подхватил Дорца. Он хорошо запомнил имя мичмана.

— Конечно, Навни! — загудели матросы:

— Где он?

— Я здесь, товарищи! — ответил густым, спокойным голосом он, выходя из толпы

— В Римини, Навни! Мы тебе верим, голубчик, — заволновались матросы.

Навни спокойно занял место капитана. Его уверенная команда скоро ввела бодрость в мускулы людей. Дорца, оставаясь в стороне, наблюдал с кормы, как матросы, неся вахту, бежали взад и вперед.

Судно слабо вздрогнуло и медленно уронило с места, оставив позади бледно-зеленоватый след испаренной воды.

— Теперь посмотрим, чья возьмет, — крикнул ему тот самый матрос, с которым они разговаривали в кубрике.

— О, да, посмотрим! — весело подхватил Дорца.

Но вдруг судно рвануло и раздался оглушительный взрыв. Дорца почувствовал, как его, словно порывом ветра, подхватило и с силой подбросило вверх.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Солнце золотило залив и чайки с тревожными криками поселились над головами. Дорца изо-всех сил работал мускулами, чтобы скорее добраться до берега.

Бов о бок с ним, вагромоздясь на обломок грот-мачты погибшего от катастрофы корабля, также усиленно работали двое матросов, сброшенные силой взрыва в море.

Ни Дорца, ни его товарищи хорошо не знали, отчего произошел взрыв, но догадывались, что для некоторой части команды он не был совсем неожиданным. В момент катастрофы эти двое матросов совершенно отчетливо слышали крики и беготню в машинном отделении и теперь допускали, что тот самый офицер, о котором забыла команда, воспользовавшись суматохой, пробрался в машинное отделение и взорвал корабль. Имея под руками обилие взрывчатых средств, взорвать корабль было делом не совсем трудным.

На расстоянии двух километров от Римини все трое выбрались на песчаную отмель, узкой полосой вдающуюся в море. Раздевшись донага, они разложили на земле мокрое платье, а потом и сами растянулись на горячем песке. Приятная теплота

медленно разливалась по жилам. Измученные боссаницей и продолжительной борьбой с морским течением, они скоро уснули.

Солнце было стремительными, отвесными лучами, когда Дорца поднял голову. На море был полный штиль, а кругом царил мертвая тишина. Дорца разбудил товарищей.

— Удивительно, — сказал он козлявая и жмурясь от солнца, — какая тишина вокруг! Совсем не похоже, что мы находимся вблизи портового города, где жизнь должна быть кипящем.

— Я бывал в Римини, — подхватил один из матросов, — и теперь как будто не узнаю его. Точно в нем все вымерло.

— Совсем, совсем мертвый город, покачал головой Дорца.

— Не оттого ли так тихо в Римини, — сказал другой матрос, — что его оценили черноблузники? Веселенько будет дельце, если только мы успеем попасть на баррикады.

Оба матроса решили не отставать от Дорцы, когда он заявил им, что намерен немедленно же отправиться в город и присоединиться к одному из рабочих отрядов, отбивавших наступление фашистов на Романью.

В порту они встретили крестьянина. По пепельно серому лицу его разбегались глубокие складки морщин, левый глаз был перевязан досугом разорванной рубахи, а из слабой ранки на щеке сочилась алая струйка крови. Он исподлобья сурово поглядывал на матросов и Дорцу и, хлестнув изо всех сил осли, хотел было пройти мимо. Но его остановили.

— Мы идем за заработка, — сказал Дорца, — и не знаем, легко ли сейчас найти работу в Римини?

— Сивьоры не найдут сейчас никакой работы здесь, — тяжело вздохнув, произнес крестьянин. — Вот если

бы сивьоры пришли раньше, то для таких молодцов скоро нашлась бы работа. Как мне кажется, сивьоры ищут работы, которая полегче...

Это замечание крестьянина весьма озадачило Дорцу.

— Нам все равно, какая работа, — сказал он, — лишь бы только хорошо платили за нее.

— О, сивьорам очень хорошо за платит, если они застанут в городе начальника, который набирает людей.

— На какую же работу требуются люди и как нам разыскать этого начальника? — спросил Дорца.

— Вот погляди на мое лицо и суди, какая это работа, молодец, — сказал со злобой в голосе крестьянин

Он осторожно сорвал с лица повязку и Дорца увидел, что на месте левого глаза зияла глубокая рана. Глаз вытек и вместо него образовался сгусток застывшей крови.

— Найди начальника легко, — продолжал крестьянин — Он ходит не иначе, как окруженный сворой псов и на рукаве имеет бляху, что-то вроде головы и пары кухонных ножей.

Крестьянин резко повернулся и бросился догонять осли, который ушел далеко вперед и свернул в сторону от дороги в кусты.

— Готов положить голову на эшафот, — произнес Дорца, когда крестьянин скрылся из глаз, — что мы пришли совсем не во время.

Первое, что им бросилось в глаза в Римини, — это мрачная картина разрушения и омерзения.

Улицы были совершенно пустынные. Они прошли прямым, как стрела, проспектом вплоть до городского муниципалитета и по дороге не встретили ни одной живой души. Когда-то величественное здание муниципалитета теперь было похоже на заброшенную казарму. Двери, сорванные с петель,

валялись по середине мостовой. Почти во всех окнах были выбиты стекла, а в трех шагах от под'езда лежал сорванный с фронтона и вдребезги разбитый газовый фонарь. Великолепный гипсовый монумент, водруженный перед самым входем в муниципалитет, был сброшен с пьедестала, и теперь его осколки хрустели под тяжелыми башмаками матросов.

Вдруг Дорца остановился. В резервуаре бездействующего фонтана он заметил человека. Тот сидел, низко склонив голову на колени, и не шевелился. Дорца подошел к нему и тронул за плечо. Человек быстро обернулся и уставился на него тяжелыми мутными глазами.

— Отойди, уйди от меня, сатана! — закричал он душою раздражающим голосом. И с усом, и с тронутой слезка серебряным налетом бороды этого человека свесали багровою слюной занесшей кровью.

— Его били. — подумал Дорца.

При помощи матросов, он извлек несчастного из резервуара и только после долгой возни с ним удалось вернуть его к сознанию.

— Я живу тут близко. . по улице Гарибальдя, — сказал вдруг старик, — Если саньоры окажут мне милосердие и доведут меня до дому, я сохранию в своем сердце благодарность навеки.

Этот самый старик оказался отцом коммуниста. Поздно ночью чернoblузники ворвались к нему на квартиру и потребовали, чтобы он разыскал своего сына. Никакие клятвы, что он не знает, где скрывается его сын, не тронули черствых сердец Чернoblузники выволокли его на улицу и били всю дорогу вплоть до муниципалитета.

Фашисты еще накануне запыли город и разгромили буквально все рабо-

чие организации и даже частные квартиры коммунистов.

— Лучше будет, если саньоры уйдут из города, — вздохнул старик.

— На какой дороге ушли отсюда чернoblузники? — вдруг спросил Дорца.

— Это на Форли. Но если вы пойдете и побережьем, то рискуете также наткнуться на их стряд. Они наступают с двух сторон.

Час спустя Дорца шагал вместе с товарищами по пыльной дороге. Он решил все таки идти в Форли.

„Мертвый город“ остался далеко позади. Ночь незаметно подкралась и веяла уже в лицо своим зловонным дымом.

Путники нуждались в отдыхе и обрадовались, завидев огни близкого селения. Они подошли почти вплотную к деревне, как вдруг услышали беспорядочные выстрелы.

Дорца, как вкопанный, остановился и обратился весь в слух.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Все население Гроссето, маленькой романской деревушки, высыпало в поле и только глубокоглазый Умберто, сын вдовы Вартолетти, остался жариться на солнцепеке.

Мальчуган был череп, как потухшая головня, и занимался только тем, что по целым дням купался в песке и строил из него самые причудливые сооружения.

Не думайте что Умберто был лентяем. О, совсем нет! Мальчуган собирался встретить только на будущий год десятую весну и готовился стать комсомольцем.

Он страстно хотел бы стать комсомольцем. Старший братишка Ричча говорил ему чудные вещи о Россиях, коммунистах и борьбе. Ричча был самым бесстрашным мальчуганом в

селении. Если бы Риччи захотел рассказать как-нибудь о своих похождениях, то для того, чтобы послушать его, понадобилось бы потратить уйму вечеров.

Ах, занятно рассказывает Риччи! Вот хотя бы вчера: на него напала целая свора сверстников камергерского убулдука Бринни. Эти молодцы хазывают себя черноблузниками и всюду бродят с увеселительными дубинками. Но и Риччи не таков, чтобы легко даться в лапы шелоупям. Эгоз Бринни долго будет помнить кулаки Риччи. А все оттого, что и ловок, и бесстрашен старший братишка Умберто....

Солнце мучительно жгло открытую грудь и плечи. Умберто лежал на спине и жмурился под ослепительным светом солнца. Рядом строился дом и воздух был напоен зноем и запахом извести

Умберто повернулся на живот и, выводя на песке пальцем рисунок, думал:

— Если Риччи говорит, что я трус и не могу стать комсомольцем, так он ошибается. Я ему докажу, что не боюсь черноблузников и когданибудь сам поколочу этого выскочку—Бринни...

Он слышал топот скачущих лошадей и повернул голову. Несколько человек верхами в'скало в деревню и остановилось в самом ее конце. Один из них спешился, но заметив, что в деревне нет крестьян, сбавил на коня и во весь дух поскакал вдоль улицы. Остальные ехали за ним.

Доскакав до того места, где на солнцепеке жарился маленький Умберто он на всем скаку остановил лошадь.

— Куда девались люди?—крикнул он Умберто.— Я почему-то здесь никого не вижу.

— Хорошенько разуй глаза и ты может быть, замаришь меня,—обидевшись, сказал мальчуган.

— Хо-хо... Да он настоящий дьяволенок,—рассмеялся всадник, слезая с коня и подходя к мальчугану.

—Чтоже ты тут делаешь, чумазый? спросил он, стараясь придать голосу как можно больше нежности.

— Сядись со мной и я научу тебя строить дома,—весело сказал Умберто.

— Кто же научил тебя строить дома?

— Мой отец был каменщиком... А теперь вот дядя Эдмондо строит дом, так я ему иногда помогаю...

Вдруг лицо солдата,—по край ей мере Умберто принял его за солдата, стало багровым. Схватив мальчугана крепко за шиворот, он прохрипел задыхавсь от злости:

— А кто научал тебя рисовать вот эту гадость?

— О ой!...—взвизгнул Умберто...

— Говори, кто научил? крикнул солдат.

Он повалил мальчугана на песок и ткнул его лицом в то самое место, где совершенно ясно перед этим Умберто вывел пальцем рисунок серпа и молота.

— Я сам... меня никто не учил.. заголосил Умберто.

— Врешь мерзавец! Ты сам не мог придумать этой мерзости. Кто научил тебя?—не унимался солдат.

— Я сам... сам... сам...—визжал Умберто.

— Ну погоди я покажу тебе, как сам,—сказал солдат и потащил мальчугана к корыту, в которое старый каменщик Эдмондо утром высыпал целую тачку негашеной извести.

Умберто изо всех сил упирался ногами в песок, но солдат продолжал его тащить.

— Я тебе покажу... , я теб

Он снова повалил малыша и, подхватив целую горсть извести, высыпал ему в глаза.

Острая нестерпимая боль обожгла глаза мальчугану. Умберто, нестою везягнув, рванулся было из рук, но солдат еще плотнее прижал его к земле.

— Ты забудешь у меня, мерзавец, как рисовать всякую мерзость, — крипел солдат.

Он снова достал горсть извести и стал усердно втирать ее в глаза мальчику.

Умберто вдруг перестал кричать. Только маленькое тельце судорожно билось на земле. Но потом и эти судорожные движения прекратились. Раскинув ручки, он лежал на песке, словно нарочно подставив лицо ласкам солнца и лазури.

У малютки вытекли глаза.

Поздно вечером вернулась тетушка Бартолетти домой. С Риччи целый день они проработали в поле, а теперь, усталые и голодные, они собирались готовить ужин.

Тетушка Бартолетти затопила камин. Неровное, красноватое пламя каминна, вспыхнув, осветило убогую лачугу.

— Разбуди малютку, Риччи! — сказала мать. Он опять не дождался нас и заснул голодный.

Но в углу, где на ворохе тряпок спал обычно мальчуган, Риччи не нашел братишки.

— Его здесь нет, — сказал Риччи.

Лицо матери поблелело, и она, словно вкопаная, замерла посреди комнаты.

Вдруг дверь широко распахнулась и вошли солдаты.

— Кто Риччи Бартолетти? Этот? — спросил один из них.

— Да, этот самый, — произнес кто то из сеней.

Риччи бросился к окну, распахнул его внастежь и хотел выпрыгнуть

из окна. Но сзади грянул выстрел, за ним — другой.

Риччи уцепился было за подоконник, но рука сорвалась, и он свалился на пол, обливаясь кровью.

Мать дико вскрикнула и бросилась к сыну. Она прижала его голову к груди, а бледные губы ее беззвучно шевелились.

Риччи, лежавший с закрытыми глазами, на миг поднял веки и молча посмотрел на мать. Но в тот же момент один из солдат поднял карабин и ударом приклада размозил ему голову. Мозг брызнул из расколотаго черепа и кровью обогрил руку матери.

— Проклятые убийцы! — закричала обезумевшая мать. — Вам отомстят отомстят за эту кровь...

— Ха-ха... вы слышали? Нам отомстят, ха-ха... За эту красную пададь...

— Да, отомстят — вдруг раздался сзади. На пороге стоял Дорца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

— Опустите карабины, или я не выпущу вас живыми, — крикнул Дорца солдатам.

Он не был вооружен. Но солдаты, заметав за его спиной матросов, подумали, что, очевидно, он не один, — и кто знает, — станут ли его люди перемониться в случае, если они вздумают оказать сопротивление.

— Несите сюда карабины! Ну, живо, — продолжал Дорца голосом, недопускающим возражений.

Те неохотно и лениво повиновались, опустив карабины на то самое место, куда указал Дорца.

— А теперь, сивборы, прошу выходить по очереди, да смотрите, не вздумайте бжать. Мои товарищи не любят ни шутить, ни играть в прятки.

Матросы расступились и дали дорогу солдатам. Дорца сделал им знак, чтобы они подхватили карабины и шли следом за солдатами.

Ночь была темная и люди подвигались медленно, спотыкаясь в темноте. Дорца шагал позади всех с двумя карабинами за плечами.

Он еще не думал над тем, что станет делать с этими молодцами. У него было единственное намерение прорваться сквозь цепь наступающих на Романью чернoblузников и присоединиться к коммунистам.

Они давно миновали деревню и вышли в поле. Краеугольная луна поднималась со взморья и бросала длинные тени по обоим сторонам дороги. В течение всего пути Дорца не проронил ни слова. Наконец, он остановил идущих впереди товарищей и сказал негромко:

— Кажется, мы ушли достаточно далеко и теперь можем поговорить без опасений.

Люди остановились.

— Кто вы и как вы попали в деревню? — обратился он к солдатам.

Только теперь те поняли, какого дурака они свалили, дав себя обезоружить. Но сопротивление теперь было бы невозможным и бедняги сочли за лучшее оазвечать без утайки.

— Мы только солдаты, сеньор.

— Солдаты карательного отряда.

— Ах, даже карательного?! — удивился Дорца — Что же, это все таки не делает вам чести.

— Но, честное слово, мы действуем только по приказанию, — почему то стал оправдываться один из них.

— По чьему приказанию? — спросил Дорца.

— Начальника карательного отряда.

— Кто ваш начальник?

— Сеньор Барти...

— Сеньор Барти? А ведь, кажется, я где-то слышал это имя...

— Сеньор Барти из Рима.

Ну, конечно, этот Барти — тот самый палач, который пытал профессора и сфабриковал подложный документ против комитета компартии.

— Значит, по его приказанию вы орудовали в деревне, убивая мирных жителей?

— О, мы, сеньор, совсем не хотели убивать. Но сеньор Барти, под угрозой смерти, приказал уничтожить коммунистов.. всех коммунистов, которых нам указывали.

— Кто же вам указывал коммунистов?

— Мы не знаем, кто они. Они не называли себя, но вместо этого показывали блуху с черепом и мечами. Этих людей сейчас можно найти в любой деревне..

Было ясно, что в расступлении фашистов на Романью „Орден пяти“ был вдохновителем и через своих членов намеревался уничтожить все коммунистические организации.

Прямая борьба Ордена тоже становилась очевидным. Агенты его были, по видимому, посланы во все селения провинции и при появлении карательных отрядов выдавали коммунистов и комсомольцев.

— Вы сказали, — продолжал Дорца, — что вас послали в карательную экспедицию под угрозой смерти. Это ложь, и никто никогда не поверит этому. Вы слышали, что-нибудь о, так называемом, „Ордене пяти“?

Дорца в упор посмотрел на солдата.

— Ничего.

— Почему же тогда вы действуете за-одно с ним?

— О, я скажу правду, сеньор! — испуганно залепетал солдат, очевидно боясь, что его сейчас уличат во лжи. — Я — рабочий, то-есть, я хочу

сказать, был рабочим. Меня прогнал хозяин. Меня оставили без куска хлеба. Так в течение двух лет я слонялся без работы, пока... Да что тут скрывать,—мне предложили хороший заработок. Я долго не соглашался. Но голод чего не заставляет сделать, синьор!..

Голос солдата сорвался. Видно было, что ему трудно стало говорить от прилива новых чувств. Какие это были чувства—Дорца догадался. Лицо солдата, освещенное светом луны, дрогнуло, и в уголках глаз заблестели слезы.

Наступило молчание.

— Вы нас убьете?—вдруг спросил солдат.

Дорца подумал и сказал твердо:

— Нет.. Но и отпустить сейчас не могу.

Он наклонил голову и зашагал по дороге, размахивая руками. Солдаты тронулись за ним, а сзади шли матросы, сняв карабины.

Километрах в трех от Гроссето есть полуразрушенная, заброшенная мельница. Мутный поток журчит между камней и неугомонный лепет воды гудко раздается под ее сводами.

Поравнявшись с мельницей, Дорца остановился. У него блеснула мысль оставить на мельнице солдат. Он не мог придумать для них лучшей участи, как только связать и сарятать подалше, чтобы молодцы прежде времени не освободились и не натворили новых бед.

— Мы вас оставим здесь,—сказал он солдатам.—Как только вода повернет на нашу мельницу, вы будете освобождены, а при иных условиях—не взыщите..

Но солдаты, а, в особенности матросы, остались довольны таким оборотом дела. Солдаты добровольно дали связать себя и отвести в самый отдаленный угол мельницы.

Матросы, вскинув карабины, вскоре весело шагали следом за Дорцей. Они вышли снова на дорогу и повернули в сторону мостика, переброшенного через ручей.

Гнилые доски трещали под тяжестью и поэтому приходилось пробираться по ним с большою предосторожностью.

Еще бы несколько шагов и люди благополучно миновали мостик, как вдруг резкий окрик остановил их.

— Стой! Кто идет?—снова крикнул кто-то впереди.

Дорца и матросы остановились. На дорогу высыпало несколько человек в касках, какие Дорца видел на фашистах. При лунном свете блеснули в руках карабины.

— Назад, товарищи,—тихо скандовал Дорца матросам.

Рискуя провалиться, Дорца бросился назад. Но едва он успел до стичь конца мостика как перед ним выросли три дюжих чернoblузника и преградили дорогу.

— Э-э, не уйдешь,—заревел один из них.

Дорца вскинул карабин, но удар сзади свалил его с ног.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Двенадцать дней Дорца метался на грязном, вонючем тюфяке, находясь между жизнью и смертью. Двенадцать дней мучительно ныли кости и голова, лихорадочно горело тело, и только на тринадцатый день он нечаянно забылся в лихорадочном сне.

Могучий организм его, наконец, взял перевес над недугом.

Он сидел в тесном каменном мешке, куда его бросили фашисты. Его били, и били, видимо, не разбирая,—куда попадут, иначе как понять, ко-

гда мучительная боль домила все тело.

Как-то, после смены часовых, дверь в камеру открылась и вошел солдат.

— Товарищ, — сказал он, — я поставлен тебя караулить...

Прямой, открытый взгляд солдата остановился на нем.

— Вот карандаш и бумага. Напиши — я передам товарищам. Их много, и все сидят здесь...

— Он не жмет, — подумал Дорца.

И написал. Вечером получил ответ.

Фашисты разгромили последне коммунистические штабелы Ромашы. 80 коммунистов вместе с вами брошены в тюрьму в Форли. Но совесть коммунистов чиста. Они боролись за свои организации и защищали их в Пьяцце, Ротальяно, Чезенатико, Форли, Вусселлиано, Форлипополи, в Чезене, Римини и Сан-Арканджело до последнего патрона. Все они, по приказу Муссолини, будут преданы суду за то, что защищались.

— По приказу Муссолини!

Дорца вспомнил, что этот человек, работающий по распространению кровавой тирании на всю Европу, и сам когда то сидел в одной из камер тюрьмы в Форли.

Но какая огромная разница была между прежним и теперешним Муссолини!

Солдат стоял перед Дорцей и говорил ему:

— Камера, в которой сидел профессор, находится как раз против вальей... Но это было очень давно, товарищ. В 1911 году...

Профессор Бенито Муссолини учил бедняков создавать свои союзы, кружки и кооперативы, а королевский министр Муссолини помог буржуазии создать армию наемников, чтобы разрушить все эти организации.

О, как ненавижу теперь Дорца этого человека!

В камере было сыро и холодно. Оя со стеном упал на матрац и заскрежетал зубами. Как бы хотел он теперь снова быть на воле!.. Но стены тюрьмы были непроницаемы и узкое окно под самым потолком было тесно даже для лазури.

Вдруг в замке звякнули ключи и дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял человек с клетчатом пальто, заложив руки в карманы.

Он обернулся к тюремщику и сказал, заострив левую бровь:

— Если можно, оставьте нас одних.

Тюремщик, не говоря ни слова, вышел, закрыв за собою дверь на ключ.

— Вы—Дорца?!—не то вопросительно, не то просто сказал он, подходя к узнику.

— Да, я — Дорца, и желал бы знать, что вам угодно от меня?

— Я к вам пришел по поручению совета Ордена Пяти... Вы, конечно, уже знаете, что это за организация?

— Да, кажется, слышал.

— Слышали? Нет, не только слышали, но и знаете ее.

— Положим, что это так. И что же?

Человек в сером, помолчав, сказал:

— Знаете ли вы, какая участь ожидает вас?

— Не знаю и знать не хочу.

— А все так?

— Я приготовился ко всему, ибо, как говорит поэт, „Италия полна тиранов...“

— Допускаете ли вы, что вас расстреляют?

— Сомневаюсь в этом..

— Почему?

— В Италии не существует загона о смертной казни.

Человек в сером тихо рассмеялся.
— Это, кажется, первый случай, когда я встречаю такого наивного человека, как вы. Закон — законом, а интересы страны...

— Буржуазия, — перебил Дорца.

— Это одно и то же. А интересы страны выше всяких законов.

— Но правительство не осмелится публично вынести смертный приговор, — слабо возражал Дорца.

— А кто вам сказал, что правительство обязано непременно разыгрывать комедию с приговором? Нет уж, благодарим на хорошем слове... Мы и так свалили большого дурака, дав вам возможность однажды улизнуть из под носа правительственного трабунала

— Значит, нас не собираются судить? — заметил Дорца.

— Вообще судить нужно.. И будут судить, но не вас. Лично мы не подлежите никакому суду, кроме, как суду верховного совета Ордена Пяти... Орден же давным давно вынес вам смертный приговор.

Последние слова человек в сером произнес с расстановкой, отчеканивая каждое слово и наблюдая, какое действие они производят на Дорца. Но тот сидел, низко опустив голову, ничем не выдавая своего волнения.

— Только в случае, если вы окажетесь благоразумным, решенье Ордена может быть изменено, — произнес человек в сером, после некоторого молчания.

— В чем же, по вашему, может выразиться это благоразумие? — заинтересовался Дорца.

— Совет Ордена надеется добиться от вас немногого.

— А именно?

— Отказаться от своей вредной деятельности и всенародно заявить, что вы действовали по заданиям из Москвы.

— Вы требуете невозможного. Я не могу сделать ни того, ни другого.

— Значит, вы обрекаете себя на смерть?

— Лучше смерть, чем позор.

— Как вам угодно. Во всяком случае, я даю вам три дня на размышление. Но если и по истечении этого срока вы останетесь при своем мнении, смертный приговор будет приведен в исполнение немедленно. Я теперь оставляю вас, а вы подумайте...

— Вы только напрасно потеряете время, — крикнул Дорца, когда человек в сером был уже в дверях

В коридоре звякнули ключи, и Дорца остался наедине с собой.

Он лучше предпочтет умереть, чем пойдет на позорную сделку с фашистами. Пусть стреляют. Он сам подставит грудь под пули и падет под сводами средневекового замка, чем бесславно жить... Нет, он никогда не будет предателем своего класса и революция..

Он заснул с этими мыслями и проспал целый день. Разбудил его тот самый солдат, с которым он разговаривал перед приходом в камеру узломочайного Ордена Пяти.

Солдат склонился над ним и прошептал:

— Вам есть записка. Прочтайте и верните мне, а я наблюдаю, чтобы не накрыли нас..

Дорца дрожащими руками разорвал нежно пахнущий конверт и вынул из него вчетверо сложенную записку. В ней было всего несколько слов:

„Мужайтесь! Я люблю вас и спасу, хотя бы ценою собственной жизни.

Ваша или ничья

АЦЕБЕЛИКА“.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Сердце — это маленький комочек мяса. Но когда этот комочек оживет, то весь мир умрет в нем. Вся жизнь тогда только для него.

Так случилось и с Анжеликой д'Аннунцио.

Президент Ордена Пяти сидел в рабочем кабинете Квиривальского дворца, низко склонясь над столом. Перед ним лежала груда разных бумаг, на которых время от времени он делал свои пометки.

Странный человек! Даже наедине с собой он оставался верен разведенному обычаю не снимать маски с лица. Весь кабинет был погружен в мягкий полумрак и только часть стола, где лежали бумаги, да его крупная, поседевшая на висках голова упались в полосу яркого света.

В кабинет вошел камердинер и почтительно остановился у портьеы. Но президент не замечал его и продолжал сидеть, не обращаясь. Только после того, как камердинер несколько раз кашлянул, прикрыв рукой рот, президент обернулся и уронил:

— Ах, это ты, Дживовани?!

— Простите, сеньор! Сеньорина Анжелика д'Аннунцио просит вас принять ее. Сеньорина утверждает, что у нее к вам есть неотложное дело.

Непонятно, почему вздрогнула вдруг рука президента, когда камердинер назвал имя сеньорины. Но что президент волновался, об этом даже камердинер догадался по той поспешности, с которой сеньор воскликнул:

— Сеньорина Анжелика.. Вы не ошиблись, Дживовани? Ну зовите, зовите...

Она не вошла, а ворвалась в кабинет, бледная и обессиленная перенесенными страданиями. И прежде

чем этот странный человек успел предупредить ее, она упала к его ногам.

— Сеньор! Только на вас... на ваше милосердие рассчитываю я в эти страшные минуты...

Он не дал ей договорить.

— Я готов все сделать для вас сеньорина, .

— Я узнала.. не спрашивайте, как я узнала.. что по вашему приказанию в замок Форли заключен коммунист Дорца...

— Даже больше — он будет казнен.

— Да, да, вы решили его казнить. Я знаю об этом давно. Но, сеньор, закинув вас, не делайте ему зла. Я люблю его.. Я не знаю, как это случилось, но я люблю его и ради его спасения готова пожертвовать жизнью..

— Сеньорина! Не забывайте, что он враг короля и отечества. А потом, не понимаю совершенно, как могло у вас, потомка славных рыцарей, родиться чувство к какому-то плебею, бунтующему против короля?

— Сеньор! — в отчаянии воскликнула Анжелика. — Умоляю вас не говорите сейчас того, что непонятно мне, как женщине. Вы любите, сеньор? Любите? Во имя любви, только любви, прошу вас спасти его...

Губы президента внезапно искривились в плотоядную гримасу. Он взял в руки ее голову и сказал ей, в упор заглядывая в глаза:

— Вы сказали, что готовы ради спасения любимого человека жертвовать жизнью. Правда это?

— Клянусь вам честным именем, правда.

— Хорошо. Я обещаю вам спасти его. Но...

Голос его вдруг оборвался. Голова еще ниже склонилась к ней, и он прешептал, обдав ее лицо горячим дыханием страсти:

— Но... эту ночь вы должны провести со мной.

Она вскочила, как ужаленная.

— Сивьор! Вы злоупотребляете доверием, которое оказывает вам женщина...

— Ничуть. Я требую в награду за жизнь человека значительно меньше...

— Это невозможно, сивьор...

— В таком случае, я не могу удовлетворить вашей просьбы.

Анжелика упала в кресло, закрыла лицо руками. Тело ее слабо вздрагивало от приступа слез. Но вдруг она резко поднялась и сказала уже спокойно и решительно:

— Дайте мне один день на то, чтобы обдумать ваше предложение. Завтра, в это самое время, я буду у вас или не приду совсем.

И она вышла, покачав бедрами. Президенту ордена показалось, что она не придет. Но она пришла. Пришла как раз вовремя.

— Я согласна, — сказала она просто. — Но прежде, чем я стану вашей вложницей, я хотела бы знать, какую гарантию вы дадите мне, что Дорца будет освобожден?

Губы президента искривились в улыбку.

— Если угодно, эту гарантию вы получите сейчас же.

— Вы дадите распоряжение освободить его?

— Такого распоряжения я дать не могу. Казнь должна состояться, — произнес президент.

— Вы изменили свое решение? — ничего не понимая, воскликнула Анжелика.

— Не делайте преждевременных заключений, а выслушайте меня. Я не могу изменить решения Ордена ни в какую сторону. Казнь должна состояться. Но я отдам распоряжение задержать карабины холостыми патронами.

Президент сел к столу и тут же написал приказ. Этот приказ он вложил в конверт и запечатал его несколькими печатами.

— Этот приказ, — сказал он Анжелике, — будет сегодня же отослан в Форли. Завтра ночью состоится казнь, на которой будете присутствовать и вы. Вам будет разрешено взять труп казненного и увезти с собой. Разумеется, вы предупредите его насчет холостых патронов.

Он позвал камердинера и передал ему пакет, чтобы тот немедленно отправил его с курьером.

Затем он снова что-то написал на двух листах бумаги и передал их Анжелике.

На одном было написано:

„Сивьорине Анжелике д'Аннунцио разрешаю доступ в камеру заключенного в Форли коммуниста Дорцы. По приведении смертного приговора над последним в исполнение, приказываю комиссару по поручениям выдать ей труп казненного.“

Председатель „Ордена Пяти“

Тут же и печать.

Другой лист оказался пропуском, подписанным министром внутренних дел и директором полиции на имя Моралино Дорцы и Анжелики д'Аннунцио, которым разрешался свободный переход границы в любом месте.

Оба листа она тщательно свернула и спрятала за корсаж.

Внезапно она стала беспечна и весела. Она влезла на стул и почти протела, серебрясто звеня словами:

— А теперь я хочу вина и цветов!

Старый камердинер вскоре принес для них целую корзину ярких альпийских роз и орхидей. Разжигая страсть президента, Анжелика из уст в уста давала ему есть сочные финики и сливы.

Они пили вино, ярко искрившееся при свете зажженных канделябров.

Вдруг президент, отбывшись на спинку кресла, судорожно схватился за горло. Он хотел крикнуть, но звук застрял в гортани.

Азжелька, отпрянув в сторону, на блюдала, как он, свалась затем на пол, катался по ковру. И когда он перестал двигать членами, растянущимися во весь рост, она с легкостью пантеры бросилась к нему и сорвала с лица маску.

Кряк изумления замер у нее на устах.

Плотно закрыв глаза и сжав мясистые губы, перед ней лежал человек, чье имя гремело на всю Европу...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Дорца сидел в тюрьме и терпеливо ждал казни. У него не было никакой надежды на спасение. Даже та записка, которую он получил от Анжелика д'Анаувиццо, несколько не повлияла на него ободряюще.

Целых два дня он проспал безпросыну, а теперь вся жизнь проносила у него в голове, — с самых первых дней безрадостного детства. Мысли, лихорадочно торопясь и сбиваясь, мешались в голове, точно в бешеном калейдоскопе.

Он хотел думать о том, оправдала ли эта жизнь свое назначение в революции, а мысль помимо воли возвращалась к нелепым, отрывочным представлениям о том, как упадет он в момент, когда будет дан знак, или как его тело станут поднимать с земли. И мучительно воображенно острознаваливалось положительно на всем до мельчайших подробностей.

Чтобы сколько-нибудь отвлечь себя от этих нелепых подробностей, он

поднялся с нар и принялся ходить из угла в угол. Пять шагов вдоль, три — поперек...

Потом посыпавшись шагами. Они приближались издали и гулко звенели о каменные плиты.

— Неужели уже за мной? — поупуганно мелькнула мысль и мгновенно погасла. Напряжением всей воли он подавил этот страх. Нет, он ни теперь, ни раньше не боялся смерти.

— Это все извращенные нервы пошаливают, — говорил он себе, стараясь окончательно ободрить себя.

Вся его фигура выражала теперь одно нетерпение. Он остановился перед самой дверью и все внимание сосредоточил только на ней. Ключ медленно поворачивался в замке.

Дверь тронулась, точно ледяная глыба, скрипнув на тяжелых петлях. В образовавшуюся щель просунулась клинообразная голова тюремщика.

— Ваша имя?

Это — обычный вопрос всех тюремщиков. Они задают его даже тем, которые всю жизнь не выходят из тюрьмы.

И когда Дорца назвал себя, тюремщик сказал кому то за спиной:

— Пожалуйте, это сюда...

На пороге стояла женщина. Лицо было закрыто вуалью. Легким движением руки она откинула вуаль, и несколько мгновений они стояли друг перед другом.

— Синьорина! — изумленно воскликнул Дорца.

Она вдруг бросилась к нему и крепко обвила его шею руками.

— Не гоните меня... Умоляю вас, выслушайте меня. Я люблю вас и ради вашего спасения я пришла к вам...

Она всем телом прижалась к нему, точно боясь, что он отстранит ее от себя.

— Я не требую от вас ничего, — продолжала она, загораясь страстью. — Я знаю, что не нужна вам, что вы не должны любить меня. Но, клянусь, я уйду из той среды, которая создала между нами неравенство. Я готова стать прачкой, судомойкой, всем, чем хотите, чтобы честно зарабатывать хлеб.. Только не гоните. Только позвольте мне быть около вас.

Она опустилась перед ним на колени, не отпуская его от себя.

— Если вы скольконибудь уважаете во мне человека, — прошу вас, встаньте! — сказал он мягко.

Безграничная любовь этой женщины тронула его и он не нашел в себе прежнего мужества оттолкнуть ее.

Тюремщик давным-давно оставил их одних, и теперь они могли говорить, не опасаясь за то, что их подслушают.

— Я принесла вам свободу, — сказали ее губы.

Он хотел что-то возразить ей, но она перебила его.

— О, клянусь, ваша честь ничем не будет запятнана! Только выслушайте, умоляю вас.. Сегодня ночью освободится ваша казнь..

— Сегодня ночью, — повторил он машинально.

— Я сама буду присутствовать при казни. Только вы не забудьте.. слышите, не забудьте.. по вам будет дан залп из холостых патронов.. Вы понимаете, из холостых.. Я прошу только, чтобы вы сделали вид, будто убиты.. Вы должны это сделать.. Не для меня, совсем не для меня.. Об этом будет знать только один человек, которому поручено руководство, да я.. Я выведу вас из тюрьмы и вы будете вновь свободны.. Я ничего не требую от вас.. Только не гоните.. только дайте мне быть около вас..

Она горячо дышала ему в лицо, задыхаясь от возбуждения. Голубые глаза наполнились слезами.

Дорца был поражен,

— Как вы попали сюда, синьорина, и можно ли верить тому, что вы сказали? — спросил он, опускаясь на хары.

Она села рядом с ним и вынула из за корсажа пропуск президента.

— Мне открыт доступ к вам. Мне открыты двери тюрьмы, и нами обоими обеспечен выход отсюда.. Умоляю вас, бежите отсюда. Бежите из этой проклятой страны, где каждый камень мостовой обгажен кровью.

Она задыхалась потоком горячих слов. Дорца встал и сказал твердо.

— Я обещаю сделать по-вашему. Но, скажите, как вы достали эти пропуска?

— Они получены мной от президента Ордеана.

— Вы видели его?

— Я была у него. Он при мне отдавал приказ, как должны вас казнить, и дал мне эти пропуска. Я готова была заплатить ему за них жизнью..

— Нет, это слишком дорогая цена, — воскликнул он.

— О, я не прогадала! Тирани хотел взять меня наложницей. Но он ошибся в расчете.. Я отравила его..

— А если ваш поступок будет обнаружен? — спросил Дорца.

— Я не боюсь — мы будем далеко.

— И никто не помешает бегству?

— Никто. Кабинет закрыт и запечат. Никто сразу не решится выломать двери в кабинет к президенту?

Анжелика была положительно уверена, что раньше трех-четырех дней преступление не будет обна-

ружено, и за это время они успеют миновать границу... Она ушла из камеры радостная и окрыленная счастьем свидания.

Глубокой ночью Дорцу взял конвой и отвел в северную башню тюремного замка.

Это был глухой каменный мешок с единственной бойницей на восток. В башне царил полный мрак, но с приближением фонаря тени медленно растаяли по углам.

Сержант поставил фонарь на пол и обратился к человеку, закутанному с ног до головы в широкий плащ.

— Прикажете начать, сзньор?

Тот только кивнул головой.

Сержант подошел к Дорце и попросил его встать лицом к стене. Дорца молча повиновался. Сержант скомандовал конвою приготовиться и взмахнул рукой. Грянул залп. Дорца покачнулся и упал вниз лицом, звонко ударясь головой о стену.

Человек в темном плаще подошел к нему и, наклонясь, после небольшого молчания произнес:

— Мергв!

Потом он снял с себя плащ и накрыл им труп казненного. По его же распоряжению два человека подхватила тело Дорцы и вынесли на тюремный двор. Там их ждал давно фиакр Анжелики. Тело, завернутое в плащ, уложили в фиакр, и; когда захлопнулась дверца, Анжелика сказала ему на прощанье:

— Благодарю вас, сзньор Барти!...

— Счастливого пути, сзньорина!...

Лошади рванулись, и скоро фиакр скрылся за воротами тюрьмы

Фиакр, обогнув замок, выехал на открытое место. Поднимая тучи пыли, лошади бешено неслись к вокзалу.

Луна к этому времени поднялась над горизонтом и красноватым светом залила дорогу и бурьян, вдоль которого, подсакаивая на ухабах, катился фвавр.

Сердце Анжелики учащенно билось и, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Она обими руками прижимала к себе драгоценную ношу, не смея пошевелиться, пока тюремный замок не скрылся совсем из виду. Тогда она легким движением руки откинула с лица Дорцы плащ и сказала едва слышно, склонясь над ним:

— Милый! Вот видишь, — я была права. Не позже, как к утру, мы достигнем границы, а там нас ждет свобода..

Дорца молчал. Он даже не повернул головы в ее сторону.

— Теперь ты можешь не опасаться, что нас задержат, — продолжала она. — Тюрьма осталась далеко позади, а здесь пикю не знает нас с тобой.

Она приподняла его голову, стараясь заглянуть в глаза. Но голова выскользнула у нее из рук и глухо ударилась о спинку фиакра.

Дикая испуг метнулся из глубины ее глаз и застыл в зрачках. Как раз в это время красноватый свет луны упал ему на лицо, и она поняла правду

Тоненькая струйка крови сбегала с левого угла плотно сжатых губ к щеке. В глазах, прямой, открытый взгляд которых теперь остановился на ней, застыло выражение невысказанной надежды. То ли это была надежда на близкое освобождение, или это была надежда на освобождение

иное, близкое же, — торжество идеи, в борьбе за которую он пал, — это так и осталось непостижимой тайной мертвеца.

Анжелика дико вскрикнула и всем телом откинулась на спинку фиакра. Вдруг что-то тяжелое и горячее сдавило ей легкие. И луна, и бурьян, и возница слились вместе, застыли и сразу же растаяли, как лед, в созвании.

С утренним поездом она вернулась в Рим. Точно потерянная для себя и для людей, она шла, не замечая что вокруг нее суетятся и спешат люди, увлеченные сутолокой столичного утра.

Одна неотвязчивая мысль сверлила мозг:

— Даже мертвые ему мстят за каждый шаг к свободе...

На углу Карсо и палатцо Мясими ее чуть чуть не обило с ног автомобилем. Машина пронеслась с рекордной быстротой мимо, обдав ее запахом бензиновой гари.

Она вскинула глаза как раз в тот миг, когда человек, сидевший в автомобиле, обернулся в ее сторону, а потом, видимо успокоившись, снова отвернул лицо. Анжелика узнала это лицо. Ему хорше был знаком и этот ватилков, изуродованный тяжелыми складками жаровых прослоек, который вывел ее вдруг из оцепенения.

Конечно, она не ошиблась! В авто проехал королевский министр — синьор Муссолини.

Анжелика бросилась за ним. Задевая прохожих и вызывая с их стороны брань и крики, она бежала по улице вслед за автомобилем, боясь увуистить его из виду.

— Он жив! Тиран, предавший всю Италию огню и заливший кровью мостовые, жив...

И тут судьба подшутила над ней. Она слишком понадеялась на яд. Но

было ли то, что она влила в бокал в момент высочайшего напряжения душевных сил, — ядом — она не знала положительно...

Ею овладела безумная мысль — мстить ему.

На ее счастье автомобиль остановился у под'езда большого двухэтажного дома. Министр, легко выпрыгнув на тротуар, прыгающей походкой вбежал по мраморной лестнице и сверился за стеклянной дверью.

Анжелика, добежав до автомобиля, остановилась. У парадного входа развевался огромный красный флаг, а над дверью была прибита полированная доска с русской надписью:

ПОЛНОМОЧНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО С. С. С. Р. в ИТАЛИИ.

Анжелика решила ждать. Она не давала себе решительно никакого счета в своем безумном намерении.

Но в это время ее внимание привлек к себе плакат, наклеенный у под'езда. Это был единственный из всех плакатов, расклеенных секцией МОПР, который сохранился от руки неистовствующих черноблузников.

Она невольно потянулась к нему. И печальные слова потекли в ее сознание:

К РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ВСЕХ СТРАН!

„Рабочие и работницы!“

Белый террор опять неистовствует. Сотни итальянских рабочих уже погибли от пуль фашистских убийц, сотни раненых наполняют больничцы. Сотни снова брошены в тюрьмы и казематы буржуазии. И каждый день несет все новые и новые жертвы.

Превратить Италию в арену сплошного террора, — вот к чему орематся фашизм. Сделать Италию опорным пунктом своей диктатуры над международным пролетариатом — вот его цель. К тысячам жертв, павших в борьбе про-

тив буржуазии, прибавить новые горы трупов—вот замыслы маем-нежов капитала.

...Необходимо немедленно же призвать все силы международного пролетариата к оказанию помощи жертвам белого террора.

НЕМЕДЛЕННО ПРИСТУПАЙТЕ К СВОРАМ! Организуйте помощь! Проявляйте инициативу. Собранные средства пересылайте международной организации помощи борцам революции.

Да здравствует международная солидарность рабочего класса!

Секция МОПР.

И внезапно Анжелика поняла, как мелко и ничтожно было ее личное чувство в сравнении с этим мировым чувством братской любви и солидарности, во имя которых тысячи смелых и честных борцов шли охотно умирать под какими угодно пытками.

Только теперь она поняла, какая стена стояла между нею и Дорцей.

Может ли она мстить теперь за человека, за спиной которого стоят миллионы новых борцов, объединенных одним общим порывом к победе?

Нет, она положительно смешна!..

И, низко опустив голову, она отошла от плаката.

...Она шла, не разбирая пути, без цели, без желаний...

* * *

Удивительно скверно сложился этот день и для королевского министра Муссолини.

Два битых часа ему пришлось извиняться и заверять „совершеннейшее почтение“ и прочие выражения дипломатического лукавства перед советским послом.

А все оттого, что какие то там дураки передутали спяна номера авто...

С тяжелым чувством заснул синьор Муссолини в эту ночь. А во сне он снова видел советского и сла. Будто тот вошел к нему и остановился у изголовья. Видел синьор, как потемнело лицо посла, как весь он вытянулся и на глазах синьора вырос и, будто, теперь перед министром стоял уже не посол, а „чумазный“ гигант. Одной рукой гигант вынул из кармана огромный клин и стал вгонять его в череп министру.

Какое слово свое гигант подкреплял ударом молота, раз от разу все глубже и глубже вгоняя клин.

— Помни, любезнейший,—ронял гигант,—что борьба еще не кончена. Ты еще ответишь за те мерзости, которые твои твои молодцы и за которые ты ответственен, как и всякий рядовой громила и поджигатель. Не успеют твои молодцы уничтожить одного, как на его место придут новые тысячи честных, неуязвимых борцов за мое дело...

Вдруг гигант сбросил министра с постели и наступил ему на горло сапогом. Синьор проснулся, сбываясь холодным потом.

Чтобы успокоить нервы, он вышел на балкон. С дикой злобой бросил он взгляд в ту сторону, где во мраке потонувшего города выступали контуры советского посольства.

Но через мгновение небо в той части города озарилось заревом пожара. В эту самую ночь фашистские молодцы, по призыву своего воеводы, для огня немного похозяйничать в окрестностях Рима.

Муссолини вздрогнул. Точно не море огня, а ослепительная заря поднималась над посольством и стремительным светом затекала Рим

КОНЕЦ.

Цена 35 коп.

Из-во
СОВЕТСКАЯ
МЫСЛЬ.

Гублит № 296.